дамский детектив
Галина
[РОМАНОВА]
ОКНО В ПАРИЖ
для двоих

Галина Владимировна Романова

Окно в Париж для двоих

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167397
Окно в Париж для двоих: Эксмо; М.:; 2007
ISBN 978-5-699-21821-9

Аннотация

Даше Коноваловой определенно не везло в любви. Во всяком случае, так считал ее брат Леха. Он вечно пытался устроить личную жизнь сестренки, но как-то безуспешно. А потом Леха пропал… Вместе с ним исчезли миллион рублей и молоденькая стриптизерша, по слухам, его любовница. В общем, Даше стало совсем не до любви. Все пытаются обвинить ее брата в краже – и жена, и хозяйка фирмы, в которой тот работал, и даже милиция. Какая уж тут личная жизнь, когда на кону – честь семьи!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Галина Романова
Окно в Париж для двоих

Глава 1

Лицо сделалось вздувшимся, красным и некрасивым. Ладони, сдавившие виски, тянули веко, делая ее похожей на некрасивую, зареванную азиатку. Слезы, размером с фасолину, закапали ее письменный стол, вернув ему на время исчезнувшую с годами полировку. Прямо там образовалось целое озеро сейчас. Озеро ее слез…

Надо было немедленно успокоиться, взять себя в руки и перестать реветь. И она пыталась, но стоило подумать, почему люди такие дураки, как озеро на ее письменном столе немедленно пополнялось новой порцией влаги.

Почему люди такие дураки?! Почему они не умеют ценить то, что имеют?! Зачем стремятся к чему-то призрачному?

К людям-дуракам Даша относила прежде всего своего непутевого брата Леху. Именно он явился причиной ее полуторачасовых рыданий. Точнее, его неожиданное решение уйти из семьи. Правда, в момент скандала Лехи и его супруги Варвары, свидетелем которого Даша оказалась, она не уловила конкретики. То есть Леха ни разу не сказал об этом прямо. Орал что-то про измученную душу, про одиночество, про боль, которая не проходит, и… про не разогретый вовремя обед, невыглаженные рубашки и невыстиранные носки. Но вот про свой уход от Вари и сыновей…

Нет, этого точно не сказал. Об этом очень громко, точнее, истерично заявляла без конца Варвара. И призывала его рассказать сестре всю правду. А Леха…

Леха изумленно таращил глаза, мотал головой, то и дело крутил правым пальцем у правого виска и все время твердил одно и то же:

– Ты че, Варька, дура, что ли?! Ты дура, да?!

Варвара отвечала неизменно одно и то же:

– Я не дура!!! Это ты козел!..

И потом все сначала и в той же последовательности. Прерывались супруги лишь на перекур. Варька хватала свою пачку сигарет и неслась на балкон. Леха хватал свою и топал на лестничную клетку. Он всегда там курил. У него там даже собственная пепельница имелась: жестяная банка из-под чая с высверленными дырочками по диаметру горловины.

Когда перекур заканчивался, супруги снова сходились в гневном поединке. Они скандалили с таким упоением, с такой неиссякаемой энергией, что порой Даше казалось, что они получают от этого удивительное удовольствие. Но потом вдруг Варвара расплакалась вполне натурально и вполне натурально упала в обморок.

Хвала небесам, дети были в этот день у ее родителей, иначе к Вариным слезам прибавились бы еще и вопли мальчишек. Они бы непременно напугались распростертого на пятнистом ковре гостиной тела матери. Лешка и тот напугался. Даша тут же подлетела к Варе, отослав брата за водой и лекарствами на кухню. Склонилась над ней, а та вдруг открыла глаза и подмигнула, прошептав:

– Молчи, Дашка, пускай попрыгает, козел!

Козел перепугался конечно же. И напрыгался вволю, и чувство вины его едва не задушило. Ну а уж когда Варвара «пришла в себя» и принялась слабым умирающим голосом составлять устное завещание, умоляя не оставлять после ее смерти мальчишек, Леха совершенно рассопливился и принялся покрывать поцелуями тело жены с головы до пяток. А

этими пятками, между прочим, Варька шлепала по пыльному полу лоджии, когда выскакивала на перекур.

И это умные люди?!

Даша, воспользовавшись моментом, тихонько просочилась в прихожую. Сняла с вешалки свою куртку, сунула ее под мышку, натянула сапоги и вышла на лестничную клетку. Дверь за собой закрывала, боясь дышать. Даша прислушалась, приложив ухо к двери, – тишина. Никто не поспешил за ней следом – значит, мировое соглашение сейчас заключается прямо на том же пятнистом ковре в гостиной, где теряла сознание притворщица Варвара.

Даша ее не осуждала – нет! Как раз напротив, считала, что Лехина жена – молодец. В любви и войне, как известно, все средства хороши. У Варьки вот были свои. Но…

Но все равно до боли в сердце было жалко Леху. Так жалко, что, вернувшись в свою квартиру, которая осталась после смерти родителей и которую Леха даровал ей, переехав на жилплощадь супруги, Даша разрыдалась.

Начала рыдать еще у порога, стоило двери за ней закрыться. Стянула с себя сапоги. Закинула куда-то в угол куртку, туда же полетела и сумочка. Прошаркала в свою детскую спальню, уселась за стол и… просидела там, рыдая, целых полтора часа.

Леха позвонил ближе к вечеру.

Даша как раз немного успокоилась, приняла душ и, облачившись в толстенный, как валенок, халат, сидела на кухне и ужинала набившей оскомину яичницей.

– Привет, сестрища, – шепнул виновато в трубку брат и засопел тут же, засопел. – Ты уж прости нас, дураков, лады? Разошлись, как самовары тульские, а ты небось ревела потом час.

– Полтора, – уточнила Даша, снова почувствовав отвратительное покалывание в глазах.

– Что – полтора?

– Полтора часа ревела.

– А-а-а… – протянул Леха.

И Даша тут же представила, как тот запрокидывает почти налысо стриженную голову, и виновато крутит ею из стороны в сторону, и зажмуривается, и жалеет ее, жалеет – свою маленькую, осиротевшую не ко времени сестренку.

– Леш, ты это… – Даша снова заплакала, не удержалась, она ведь тоже жалела его, всегда жалела, а любила еще больше. – Ты только от Варьки не уходи, идет?

– Да ты че, Дашунь? Сдурела, да? Да разве я пацанов кому отдам своих?! Ага, щ-щас, размечтались!!! Придет какой-нибудь пентюх чужой и станет им пальцем тыкать и указывать, да?! Ни хрена так не получится, сестрища!

– А чего же тогда Варька говорила? – Крупная слеза шлепнулась в самый центр яичного желтка, бриллиантово блеснув в свете кухонного светильника.

– Варька, она любит всякий вздор молоть, чего ей! – хохотнул Леха, но совсем не весело, а с печалью какой-то маетной. – Ты не слушай ее, Дашунь, не слушай. Ты вот лучше расскажи старшему брату, как провела минувшие выходные? Ездила к Татьяне на дачу?

– Ездила, – вздохнула Даша, ткнув вилкой в собственную слезу, застывшую на оранжевом яичном кружке.

– Ну! И как там? – воодушевился моментально Леха.

– Как обычно бывает на таких вечеринках. Сначала носились с мангалом по участку, не зная, куда его лучше пристроить. Пока носились, пару раз приложились к стаканам. Пока устанавливали – еще по разу. Пока костер, пока угли, пока мясо жарилось… – Даша еле успела подавить еще один тяжелый вздох и, чтобы не расстраивать брата, закончила с фальшивой радостью: – Короче, мясо все мне почти досталось. Есть было уже некому.

– Почему? – По голосу стало ясно, что Леха насупился.

– Все обожрались, как свиньи, братец! Все обожрались к тому моменту, как мясо было готово. Так-то…

– Нечего было тебе туда ездить, – моментально изменил он свое мнение, тут же представив свою единственную сестру в обществе пьяных идиотов. – Лучше бы… Лучше бы… Лучше бы ты в библиотеку сходила, и то польза.

– Ага, или в планетарий. Или на лекцию о вреде табакокурения или алкоголизма, – закончила она за него противным голосом.

Стремление Лехи поскорее устроить свою сестру, вернее, пристроить, иногда доводило Дашу до бешенства.

– Мне всего двадцать два года! Я не хочу так рано замуж!!! – пыталась она увещевать брата.

И так ведь Леха все подстраивал всегда нелепо. То он с неженатым приятелем якобы мимо ехал, и машина заглохла, пока ее ремонтировали или они ждали службу эвакуации – здесь были разные варианты, – замерзли, зашли погреться и попить чаю.

Потом еще был вариант с телефоном. Товарищу Лехи непременно нужно было кому-то позвонить, а все таксофоны, как на грех, вымерли на ближайшем километре.

Однажды он привел к ней целую бригаду – вроде бы для того, чтобы нанять их для ремонта ее квартиры. Ремонт давно назрел, средства Леха выделял и все такое… Но смотрины прошли неудачно, ни одному из четверых Даша не понравилась – больно сурова, равно как и они ей – сплошная разнузданность. Ремонт пришлось отложить.

Ремонт отложили, а вот попытки выдать ее замуж – нет. Взять хотя бы день рождения Лешкиной начальницы – Татьяны. Как Даша не хотела туда ехать, как не хотела! Нет, настоял, и что вышло?

Да ничего не вышло! Мало того что вся компания, будто наперегонки, напилась в рекордно короткое время, так еще один из умников полез к ней с нежностями. Пришлось дать ему по лицу и уехать оттуда на такси.

– Дашунь, малыш, а как там сосед твой поживает? – вкрадчиво так, по-хитрому спросил вдруг Леха.

– Мне-то что, как он поживает? – разозлилась моментально она, поняв, куда тот клонит. – Я к нему в гости не хожу. Он тоже.

– Вот это плохо, – опечалился Леха. – Парень такой замечательный. И скажу тебе по секрету, ты ему очень нравишься, Дашка.

– Да ну?! – Вилка с таким остервенением терзала теперь яичницу, чиркая по тарелке, что от этого противного скрежетания у нее заломило зубы. – Это с какой же такой поры я ему принялась нравиться, Леша?! Уж не с той ли самой, когда ты начал ему меня сватать?! Ты прекрати, понял?! Прекрати, или я…

Она угрожала ему неоднократно. И однажды почти выполнила свою угрозу уехать в Москву – в поисках лучшей жизни, лучшего заработка и лучшего претендента на ее распрекрасную руку. И даже собрала вещи и выкупила заказанный билет на самолет, но потом все же осталась. А как было уехать, если Леха примчался в аэропорт с бледным лицом, трясущимися руками и нервно кривившимся ртом и начал говорить такое!

Она не имела права оставлять его совершенно одного!!! Он не может и не станет жить без нее!!! Она все, что осталось у него истинно родного в этой жизни!!! И если она – мерзавка – посмеет уехать от него, то он возьмет и… утопится.

Склонность к суициду в их крови плескалась через край. Все мужики по отцовской линии кончали жизнь самоубийством. Не попади их отец с матерью в дикую автокатастрофу, кто знает, в какой петле закончил бы он свою жизнь.

Даша осталась, но с тех пор время от времени нет-нет да и приструнит брата шантажом. Он успокаивался на время, но потом начиналось снова.

Сейчас Леха успокаиваться не пожелал, а настырно переспросил:

– Что ты? Ну что ты?! Уедешь? А кому ты где нужна без жилья, денег, прописки? Ты дурить прекращай, сестрища! Брат тебе дело говорит, а ты слушай. Володька пускай и не мачо, но пацан реальный, понятно?

– Нет! – выкрикнула Даша с чувством и тут же, чтобы окончательно не разругаться с Лехой, забила себе рот яичницей, успев лишь пробубнить: – Мне непонятно, что такое реальный пацан!

– А я тебе сейчас объясню! Я объясню, а ты послушай!

И Леха вдохновенно принялся рассказывать ей, как здорово она может зажить с Володькой Королевым. Какой он классный, работящий, аккуратный, порядочный. В каком порядке у него на кухне все баночки со специями. Как сияют его ложки и половники. А в унитазе можно запросто грязные руки ополоснуть, настолько тот белоснежен. И в подвал за картошкой его посылать не придется, он сам привык туда бегать, без лишнего принуждения. И пол вымоет, и постирает…

– А в избу горящую войдет? – перебила сладкий речитатив брата Даша.

– Что? – Тот конечно же моментально понял, что вопрос содержит изрядную долю яда. – В какую избу, если у него трехкомнатная квартира? Ты чего мелешь?

– Я говорю, в избу горящую войдет твой герой-любовник, если в этой избе я гореть стану, Леш?! Он войдет или прежде баночки расставит, унитаз вымоет, отряхнет штаны и проверит наличие в кармане страхового медицинского полиса?

Володьку Королева Даша терпеть не могла. С самого раннего детства, с того самого момента, когда он выговорил ей менторским тоном – хотя разница в возрасте составляла всего лишь пару лет, – что приличной девочке не пристало ковырять в носу принародно.

Приличной девочке на ту пору было семь лет, в носу у нее свербело от густого столба пыли, поднятого уличной машиной со щеткой. Да и народу никакого поблизости не было. Один лишь Королев-умник. Даша тогда, помнится, показала ему язык и убежала. Потом сильно переживала и все время ловила себя на разных нехороших поступках, недостойных приличной девочки. То колготки в подъезде остановится подтянуть. То выплюнет жвачку и промахнется мимо урны. То повидло из пирожка уронит прямо на кофточку и тут же начнет ловить его пальцами и совать обратно в рот, а пальцы при этом облизывать. Понимала, что нехорошо, но поделать ничего с собой не могла. И чувствовала себя при этом очень, очень нехорошей. А еще более нехорошим ей казался правильный Королев.

– Леш, можно я как-нибудь сама, а? – примирительно протянула Даша, когда Леха затих в трубке и засопел, засопел. – Извини, но мне же с ним спать придется, если замуж. Так ведь?

– Ну… Наверное… – не очень уверенно промямлил Леха. – А че?

– А то! Не могу я с ним в постель лечь! Хоть убей, не могу!

– А с кем можешь?! – Леха мгновенно принял стойку. – У тебя что, кто-нибудь уже есть?! И я об этом ничего не знаю?! Дашка, ты смотри у меня…

И пошло-поехало! Теперь ей пришлось выслушать целую лекцию о вреде беспорядочных половых связей. Вспомнились венерические болезни, СПИД, разбитые сердца, поруганная честь, исковерканные жизни и все прочее в том же духе.

Даша брата не перебивала, пусть оторвется по полной. У него сегодня был тяжелый день. Он за нее переживает, оттого с таким упоением и воспитывает. И это все же лучше слушать, чем про Королева.

– Ладно, – выдохся минут через десять Леха. – Ты, в конце концов, уже взрослая девочка, сама понимаешь все. И если к этому моменту не наделала глупостей, надеюсь, что так будет и дальше. Ага, Дашунь?

– Ага, – произнесла она и тут же густо покраснела.

Глупость великую она на прошлой неделе совершила. Да какую великую глупость!!! Узнал бы Леха, точно посадил бы ее под домашний арест и ни за что уже, ни за какие коврижки не позволил бы ей жить одной, пользоваться старой «восьмеркой» и жить месяцами на родительской даче, которую он тоже подарил ей, отказавшись от своей доли в наследстве.

То, что Даша скрыла от Лехи, было ее великой тайной, ее великой погибелью, потому что она… потому что она, кажется, влюбилась в того чудака, которого прятала на родительской даче. Прятала втайне ото всех уже почти неделю.

От кого и зачем он прятался, Даша не знала. Она просто подобрала его буквально в сточной канаве, привезла в заросшую глухой крапивой деревеньку, поселила в полуразвалившемся срубе, оставила ему продуктов на неделю и с тех пор каждый час… Нет, каждую минуту думала только о нем.

Когда она его встретила, он был прекрасен и отвратителен одновременно. Он отталкивал и притягивал как магнит. Он пугал и завораживал. И она сделала все именно так, как шептала ей совесть, и как просил ее он – Муратов Константин Станиславович. Так он ей представился, хотя запросто мог и соврать, документов она не видела. Он не поспешил показать, она постеснялась спросить. Выслушала странную печальную историю про его нелепую жизнь, нелепую случайность, оставившую его без угла, и поволокла в деревню. А вот про документы спросить так и не решилась.

А как было спрашивать? Как?! Она же сама навязалась ему со знакомством! Сама пристала к бедному парню, сидящему слева от нее на скамейке. Или справа?.. Черт, с какого же боку он оказался от нее, когда она присела на ту самую скамью возле фонтана в центре города?..

Глава 2

Таксист недовольно покосился на сотню, измятую в ее потной ладони. С печальным вздохом констатировал полное отсутствие чаевых. Дождался, пока пассажирка выйдет из машины, и резко стартанул с места, обрызгав ей джинсы из грязной лужи почти до колен.

– Сволочь, – с обидой шепнула ему вслед Даша.

Настроение было паршивым и без того. Она возвращалась с празднования того самого дня рождения начальницы своего брата Лехи, где все успели напиться задолго до застолья. Она оттуда удрала. Никто, к слову, и не заметил, хотя было еще достаточно светло, осень-то только-только начиналась.

Вышла из машины в самом центре города, решив немного прогуляться, а этот гад взял да и забрызгал ей джинсы. Это он ей так за скупость отомстил. А она вовсе и не скупая! Просто денег лишних с собой не было.

Пришлось идти в сквер неподалеку и пристраиваться на скамеечке, тут же проворно подобрав ноги под нее, чтобы грязная штанина не так бросалась в глаза. Но кажется… кажется, она была не одинока.

Рядом с ней кто-то с такой же аккуратной предусмотрительностью прятал рваные ботинки под скамьей и при этом еще драпировал полой расстегнутой куртки огромную дыру на джинсах на бедре.

Сначала она рассмотрела именно это – рваные ботинки с отстающей на правом ботинке подошвой и дыру на штанине. Потом подняла взгляд выше.

Да, дела у парня, видимо, были не очень. Куртка тоже зияла дырами. Свитер под ней был не лучше. Складывалось такое впечатление, что одежду парень позаимствовал на городской свалке или у щедрого бомжа. И Даша ни за что и никогда не вступила бы в диалог с ним, не окажись под этой одеждой такого… великолепия.

Сначала ее поразили руки парня. Это не были руки попрошайки, пьянчужки, бродяжки. Руки были холеными, с чистыми ухоженными ногтями, что совершенно противоречило распущенной кромке рукавов свитера. Пальцами, что барабанили теперь по коленке, с успехом можно было клацать по фортепианным клавишам либо по компьютерной клавиатуре. Выколачивая при том огромные деньги. Но, невзирая на это, парень остро нуждался в средствах. Это было бесспорно.

Ее взгляд полез выше и, добравшись до его физиономии, просто остекленел.

Такого поразительно прекрасного мужского лица Даша прежде рядом с собой не видела. Артисты и музыканты, балующие глаз экранной привлекательностью, были не в счет.

Парень был настолько хорош собой, что она едва не ахнула, мысленно тут же надев на него что-нибудь поприличнее.

Изумительной голубизны глаза смотрели на нее очень серьезно и немного виновато, и она не выдержала.

– Вам плохо? – зачем-то спросила Даша.

– Мне? – Он вздохнул, помолчал немного и проговорил, согласно кивнув: – Бывало и лучше.

– А что так? – продолжила она гнуть линию милосердия.

– Да вот так, – снова вздохнул незнакомец, не отводя взгляда и принявшись теперь уже рассматривать ее с головы до пят. – А вам хорошо?

– Не очень, знаете. – Даша робко улыбнулась и совсем уже не к месту вдруг предложила: – Я могу вам чем-то помочь?

– Мне?! – Такого поворота, судя по всему, он не ожидал. – А чем вы можете помочь мне? Кстати, меня зовут Константин… Муратов Константин Станиславович, если угодно.

Ей было угодно, еще как было! Она, моментально потонув в бирюзовом великолепии его взгляда, была готова для него, ради него на все, на все!

– Даша, – пробормотала она и протянула ему заледеневшую от испуганного томления ладошку. – А я просто Даша, если вам угодно.

– Слушай, давай на «ты», если не против, а? – Ладошку он пожал с некоторой заминкой, будто собирался поцеловать ее, а потом передумал.

– Давай, – обрадовалась она такому скорому освобождению от официальности.

Тут же поспешно спрятала руку в карман куртки. Та просто плавилась от его прикосновения. Интересно, что случилось бы, приложись он к ее руке губами? Со скамейки бы свалилась? Может быть… Может быть…

– Чем занимаешься? – продолжил разговор Костя, тут же сел к ней вполоборота, очень красиво, совершенно не стесняясь своего рваного наряда, расположившись на скамейке.

– Сейчас?

– Ну, и сейчас, и вообще. – Его рука вольготно раскинулась на деревянной спинке, почти дотягиваясь до ее плеча. – Я вот, к примеру, в настоящий момент и бездомный, и безработный. А ты?

– Я?.. Я и с домом, и с работой. Мне в этом отношении немного легче.

– А в каком тяжело?

– В том самом, что я… – Тут бы вот ей помолчать или придумать что-нибудь отвлеченное, неконкретное, а она возьми и брякни: – В том, что я совершенно одинока.

– А-а-а… – протянул Константин совершенно без выражения, помолчал, побарабанил красивыми ухоженными пальцами по деревяшке и спросил: – А что так?

– Да вот как-то сложилось. Родители погибли. Брат живет своей собственной жизнью, а я так вот – совсем одна.

На что она надеялась в тот момент, на что?! Что он вдруг встанет, протянет ей руку и скажет, что готов прямо сейчас разделить с ней ее одиночество?! Наверное…

Константин ничего подобного ей не предложил. Он просто смотрел на нее все с той же смесью серьезности и виноватости и помалкивал. А она продолжала упорствовать.

– Знаешь, Костя, – решилась она после долгой томительной паузы, – я ведь, наверное, все же могу тебе помочь.

– Ну, ну, – подбодрил он, улыбнувшись.

Улыбался он, кстати, божественно. И рот его, и ровный ряд белоснежных, совершенно не запущенных бродяжничеством зубов смело могли бы украсить рекламный щит любого стоматологического центра. Просто бери парня за руку и веди сниматься на рекламный щит этот. Вот вам и заработок, кстати!

– У меня в пригороде есть домик, – продолжила она доставать бедного Костю. – Там никто не живет. Условия, конечно, не ахти, но это все же лучше, чем ничего. Так ведь?

– Возможно, – не отказался и не согласился он, как-то неопределенно двинув гладко выбритым подбородком. – А как туда добраться?

– На машине!

– У нас и машина имеется? – Глаза его прищурились, и изначальная виноватость тут же была вытеснена подозрительностью, что ли.

– Имеется, – Даша кивнула. – «Восьмерка». Брат подарил на двадцатилетие.

– Нам двадцать все же есть?

Его вопрос был понятен. Она выглядела очень молодо, очень. Спиртное в магазине часто отпускали при наличии паспорта. Леха говорил, что в этом ее достоинство. Она психовала, пытаясь изменить прическу, макияж, чтобы набавить себе хоть парочку годиков.

– Двадцать два, – уточнила Даша на всякий случай, чтобы Костя знал о ее совершеннолетии из первых, так сказать, уст. – Так как? Едем?

Думал он недолго. Помолчал, покрутил головой, снова посмотрел на нее, потом сказал:

– А знаешь, в этом ведь что-то есть! Почему нет?! Чего ради тогда все это…

Сумбурная скороговорка не внесла особой ясности, но немного приободрила Дашу. Неважно, что он до сих пор так и не сказал ей «да», главное – «нет» не прозвучало.

– Хорошо, едем. – Костя встал, протянул ей руку, но вдруг отдернул, оговорившись тут же: – Ой, знаешь, мне нужно позвонить моему другу. Он будет очень волноваться, если я вдруг пропаду.

«Пропади! Ну, пропади же! – мысленно уговаривала его Дарья, встав со скамейки и замерев рядом с Муратовым. – Пропади со мной навсегда!»

Кажется, была такая песня. Или очень на нее похожая. Финальный куплет с припевом тоже стерся из памяти, но вот про «пропади» Даша помнила очень точно и отчетливо. И пропадала, пропадала, пропадала…

Ей совершенно не бросилось в глаза то, что Костя звонить принялся с мобильного телефона, извлеченного из кармана расхлыстанной вдрызг куртки. И то, что телефон был одной из самых последних моделей, очень дорогой, совершенно не показалось ей удивительным.

Счастьем дыбилась одинокая ее, запущенная душа, сказал бы поэт. Счастьем и ожиданием необыкновенного чуда. И Даша повезла Муратова через весь город на троллейбусе к собственному гаражу. Потом завезла домой, где вытащила из заветной шкатулки одну треть своих сбережений. Следующим этапом был супермаркет, где забивались продуктами и средствами личной гигиены громадные пакеты. Хвала небесам, скудноватыми у девушки оказались сбережения, иначе красоваться бы Константину в новеньких джинсах и рубашке с курткой.

Она носилась меж прилавков с горящим от возбуждения и радости лицом. Хватала все, что попадалось под руку. Бросала в магазинную тележку и виновато улыбалась, когда Константин противился и возвращал ненужную ему вещь обратно.

И еще он говорил ей при этом тихим голосом председателя попечительского совета:

– Эк тебя разобрало, Даша. К чему такие траты? Это лишнее, поверь мне. С чем сама останешься?

Ей хотелось орать на весь магазин, перекрывая гул сотни голосов, что с ним, с ним она останется. И никого ей не нужно, кроме него. И от всего она готова отказаться ради него. Не есть, не пить, не наряжаться и не откладывать на летний отдых на море, лишь бы быть с ним все время рядом.

Потом она повезла его за город, забыв, что дорога не близкая, а время к вечеру. Что там и жарким летом колея глубиной в полметра, а уж что говорить про раннюю осень, когда следы пятиминутного дождя просыхают неделю. И про то не думала, что в деревне обитаемым остался всего лишь дом Щукиных, которых в шутку еще при густозаселении именовали Щукарями.

Вот, казалось бы, пугайся – не хочу! Молодая девушка везет загадочного незнакомца в совершенно глухое место. Где может произойти бог знает что! И узнать об этом никто не узнает, в том числе и о том, где потом останется ее могилка, но…

Не боялась! Не боялась, как будто белены обожралась на воскресном дне рождения у начальницы своего брата. Кто-то водку жрал, а она белену! Надо же было так ума лишиться в считаные минуты. Да что там минуты, счет шел на секунды. Стоило Муратову взглянуть на нее, как она и сомлела. И ведь отрезвления не наступало, хотя должно бы было наступить.

Еще тогда должно было бы наступить, когда она съехала с шоссе на грунтовку и принялась швырять бедную старую «восьмерку» на дорожные амбразуры.

Не наступило!

Потом, когда въехала в деревню уже в полной темноте и долго петляла средь запущенных, заросших высохшим бурьяном улиц, пытаясь отыскать свой дом.

Не наступило!

И когда вошли наконец в старый тлеющий год от года дом, где отвратительно скрипело и повизгивало все вокруг от дверей до ветхих половиц под ногами.

Не наступило!

Не было никакого просветления в полыхающих эйфорией мозгах! Не трезвела Дашка и трезветь не желала! Она просто сошла с ума, вот и все! Как же еще можно было расценить тот факт, что она осталась с Муратовым в доме до утра?!

Нет, она честно пыталась уехать, оставив его там с горой продуктов, вещей первой необходимости от бритвы до куска хозяйственного мыла. Пыталась, но не уехала.

Не уехала, потому что Костя вдруг возмутился, закапризничал, заметив, как Даша медленно двинулась к двери.

– Ты что это, хочешь свалить отсюда?! Эй! Я не понял, ты чего это?! Собралась уехать, так?!

– Ну… да… Мне завтра утром на работу рано вставать, и потом… Мы же договорились…

Никто ни о чем не договаривался. О чем Константин ей и поспешил напомнить, преградив путь к отступлению:

– Я так не договаривался, Даш! Мне тут не в жилу одному среди ночи оставаться. Жутко тут и одиноко. Да и тебе опасно в обратный путь в такое время одной…

Но вот позабыл напомнить, что оставаться с незнакомцем в такое время да еще в глуши гораздо опаснее.

Ну, да, конечно, они переспали! А как еще мог развиваться сюжет в такой ситуации, скажите?!

Он, она, почти сто километров от города. Глушь такая, что слышно, кажется, как с бархатистым шорохом скользят по небосклону плотные ночные облака. Из всего освещения лишь три свечки в старом медном канделябре, укрепленном на гнилом подоконнике. А нет, забылось. Еще печь исправно подавала тепло и скудные отблески огня сквозь старые неплотные заслонки. Потом еще имелся старый стол, накрытый новенькой клеенкой – она ведь и ее прикупила, да. На столе бутылка вина, приобщенная Константином ко всему прочему уже на выходе из магазина. Снизка бананов, колбаса, треугольники плавленого сыра, две пластиковые тарелки с заваренным кипятком ужином. Банка крохотных огурчиков с незнакомым по детству названием «корнишоны». Опята, прожженные уксусом до прозрачности. И они совершенно одни в этой заброшенной, забытой деревне. Совершенно одни на этой планете, покинутой всеми ради того, чтобы быть им вдвоем.

Приблизительно такая чепуха пульсировала у Дашки в мозгах, когда они ели, пили, разговаривали. Когда Костя потянулся к ней, сначала легонько поглаживая косточку на ее запястье, потом локоток, а потом…

О том, что никому не расскажет про Константина Станиславовича Муратова, Даша решила, как только въехала в город ранним утром в понедельник.

Никому и ничего про него не расскажет. И добавлять к нерассказанному о Косте комментарии про собственную глупость, тоже ни за что не станет.

Пускай живет себе там ровно столько, сколько ему требуется, решила она, заметно протрезвев к утру. А как ему надоест, пускай катится ко всем чертям на все четыре стороны.

Нет, это опять неправда.

Так подумала Даша уже почти через неделю после воскресного своего безумия. Сначала путевые направления для Муратова были более щадящими.

Она вернулась в город, когда еще многие спали. Когда дворники только-только доставали из своих закутов замызганный свой рабочий инвентарь. Когда, казалось, только минуту назад прошлись по городу поливочные машины. И когда спать бы ей еще и спать, а она…

Она уже въезжала в город! И одному богу было известно, какой стыд Даша испытывала за себя перед самой собой. Стыдно было вспоминать себя неумелую минувшей ночью на старом скрипучем топчане. И белье свое неэротичное тоже. И как потом неловко прогибалась над медным тазиком за печкой, пытаясь помыться. И бога молила лишь об одном: чтобы Костя вдруг не вздумал заглянуть за печку и не застал ее за неуклюжими попытками привести себя в порядок.

Он не заглянул. Он уснул к ее возвращению, хотя она пробыла там чуть больше пяти минут. И спал все время, пока она собиралась поутру, хотя она нарочито погромыхивала старыми табуретками и ойкала, будто бы наткнувшись на них.

Взяла сумку в руку и пошла к двери, все время оборачиваясь на него спящего. А вдруг вот сейчас он откроет глаза, улыбнется ей и снова попросит остаться. Она уже и извинительное заявление для своего начальника заготовила, если вдруг Костя ее попросит остаться. Не попросил. Не проснулся даже. И тогда, исчерпав весь свой лимит по шумовым эффектам, Даша не выдержала и написала помадой прямо на клеенчатой скатерти номера своего домашнего, рабочего и мобильного телефона. Подумала чуть и приписала: «Позвони».

Только после этого она вышла из дома. И только потом влезла в машину, нарочито долго прогревая и без того незастывший двигатель. Уехала, не оглядываясь. Потому и не видела, как провожает взглядом Муратов ее «восьмерку» из подслеповатого окна. И слышать, разумеется, не могла, как он набрал знакомый номер, ткнув пальцем в тройку. Как извинился за ранний звонок и обескураженно произнес потом:

– Ну, братан, я попал, я так попал, блин!!!

Глава 3

Леха ввалился в ее квартиру ну так не вовремя, ну так не вовремя, что Даша едва не заплакала от досады на него, себя – нерасторопную, и на Муратова Константина Станиславовича, позвонившего ей слишком поздно, а не заблаговременно.

Леха ввалился, а не вошел, с огромным букетом хризантем. С большущим пакетом, в котором что-то шуршало, позванивало и источало одуряющий аромат свежекопченого окорока.

– Ну, сестрища! Гуляем!!! – оповестил он с порога тоном, не терпящим препирательств.

Осмотрел ее с головы до ног. Внимательно и предвзято осмотрел, как мог смотреть на нее только строгий родитель.

Разумеется, тут же отметил про себя ее походно-боевой настрой. Куртка там с капюшоном, которую она надевала крайне редко на природу и почти никогда в городе. Сапожки непромокающие чуть повыше щиколоток, она их тоже в городе никогда не носила. Объемная сумка, набитая так туго, что «молния» еле-еле держалась. Ключи от машины на пальце. Ну и конечно же нетерпение, брызжущее, как сок из стиснутого пальцами плода.

– Гулять собралась? – с нежной вкрадчивостью поинтересовался Леха и тут же полез к ней целоваться. – Я угадал, детка? Гулять собралась? А?

– Ну… типа того… – промямлила Даша в ответ, уловив в момент поцелуя характерный запах спиртного. – Ты чего, Леш, выпил, что ли?

– Ага, выпил, – закивал тот, дурашливо улыбаясь, и тут же принялся разуваться и приказывать: – Ты раздевайся, раздевайся, милочка. Все прогулки отменяются. Никуда не идем, не едем, а станем заниматься кое-чем другим.

– И чем, если не секрет?

Даша осторожно поставила сумку на пол и незаметно так затолкнула ее в самый темный угол прихожей. Не приведи господь, полезет проверять, с чем и куда она собралась, беды не оберешься. Будет сразу столько вопросов!

И зачем ей, к примеру, крем для бритья? И бумажные полотенца с пластиковой посудой и супами быстрого приготовления? Туалетная бумага, мыло, печенье, кусок сала, завернутый в фольгу?..

Уж не в тюрьму ли к кому собралась с передачей? Тюрьма-то в их городе имелась, да еще какая! Так вот, может, отчаявшись найти себе жениха среди людей вполне приличных, подалась на поиски в том направлении, а?!

Что-то приблизительно подобное рисовало моментально взмокшее от испуга Дашкино воображение, когда она незаметно от Лехи заталкивала ногой сумку. Что-то такое, от чего моментально расхотелось жить. Ведь если прицепится, живой не отпустит, пока не вытрясет всю правду. А разве могла она ему все рассказать?! Да нет же, нет! Он же тогда…

Подцепила неизвестно кого на улице и поволокла на ночь глядя в деревню?! Очумела, баба, дура совсем!..

Накупила ему продуктов на неделю, приготовила для него ужин, истопила печь?! А потом легла с ним в постель и ублажала ублюдка до самого утра?! Казнить, нельзя помиловать!!!

Мало этого: целую неделю с замиранием сердца ждала звонка от него, вздрагивая от каждого звука? Потом не выдержала и позвонила сама, а когда ей никто не ответил, проревела всю ночь? И хорошо, что ночь уже была, а то точно бы поехала туда, испугавшись за бедного бродягу.

Дура!!! Трижды, четырежды, сотни тысяч раз дура несусветная!!!

Выпороть, посадить под замок, лишить права проживания в одиночестве под крышей отчего дома!!!

Приблизительно таким был бы список наказаний, уготовленных Лехой, узнай он обо всем.

Но ведь и это еще не все!

Когда сегодня утром Константин Муратов все же позвонил ей и после непродолжительных и бурных извинений попросил ее приехать, купив попутно что-нибудь – список был тут же озвучен, – она как ненормальная помчалась сначала в гараж, потом по магазинам, потом снова домой переодеваться и…

И вот тут Леха и пришел.

– Мы с тобой, сестрища, станем обмывать мой успех! – провозгласил Леха.

Едва ли не за пазуху засунул ей хризантемы, подхватил пакет и понес его на кухню. И уже оттуда принялся выкрикивать:

– Ты не стой столбом, Дашка, давай раздевайся и присоединяйся! Нужно накрыть стол! Накрыть красиво, как ты умеешь! Мы ведь не одни будем!

– Варя придет? – поинтересовалась она, неуверенным движением потянув «молнию» на куртке книзу.

– Не-а, Варька к родичам подалась, ребят в дальнюю поездку собирать. Предки Варькины изъявили желание свозить пацанов на пару месяцев к морю, у них там друг детства проживает, домик им уже там снял или коттедж, точно не знаю. Но знаю, что клево им там будет. А то сопли с ангинами достали уже, – трещал без умолку брат, хлопая дверцами шкафов и холодильника.

– А кто же тогда к нам в гости пожалует? – насторожилась моментально исстрадавшаяся Дашкина душа от нехорошего предчувствия. – Ты что, опять?!

По тому, как моментально затих на кухне Леха, Даша догадалась, что попала в точку. Тот снова задумал сватовство! Выбрал удачный для этого случая день – суббота же, никто никуда не торопится. Подобрал удачную на его взгляд легенду – успех какой-то требуется обмыть. И…

В кухню Даша ворвалась, едва не выломав притолоку. Куртку снять так и не успела, только-только расстегнула, как истина восторжествовала.

– Ты!.. Ты знаешь кто??? – заорала она на бедного Леху прямо с порога. – Нет, ты знаешь, кто ты???

– Знаю. – Леха вдруг ощетинился, сделался насупленным и недобрым, уселся на табурет, привалившись спиной к подоконнику, – он всегда так сидел на этой кухне – и спросил очень зло: – А ты кто, сестрища?!

– Я? Я несчастная жертва твоей добродетели, вот! – пискнула она, заподозрив неладное и чуть сбавляя обороты. – Ты вечно лезешь ко мне с этими знакомствами и…

– Ты лучше заткнись, а то я тебя сейчас выпорю, – оборвал он ее громко и грубо. – Ты не жертва, ты… Ты гадкая девчонка, если не сказать, что еще похуже! И только посмей сейчас выйти за порог, прикую наручниками к батарее, просидишь у меня дома целый месяц, поняла?!

Он как-то узнал про Муратова? Даша еле удержалась на ногах, но все же ахнула, не сумев совладать с собой.

Он точно все узнал! Узнал, узнал, сомнений нет! Либо Щукари позвонили Лехе. Они ведь доброхоты еще те. Узрели чужака в пустующем доме и тут же отзвонили.

– Как ты узнал? – сникла она моментально и тут же принялась стягивать с плеч куртку.

– Как узнал, как узнал! – прорычал, не сбавляя громкой злости, Леха. – Так и узнал! Щукари позвонили и доложили, что в наш дом кто-то влез. Я и съездил туда во вторник…

Вот почему Костя не позвонил, застонала мысленно Даша. Леха снова влез в ее жизнь и все напортил.

– И что там? – Она оседлала табуретку возле двери, потому как стоять сил больше не было. – Состоялись разборки? Ты набил ему м… лицо?

– А че это мне ему морду бить?! Зачем?! Если моя сестра сама к нему привязалась и сама потащила его и в дом, и на себя. – Здесь Лехины кулаки с таким грохотом обрушились на столешницу, что Даша, не выдержав накала, все же потихонечку заплакала. – Ты повела себя как последняя шлюха, понимаешь хотя бы?!

Она молча замотала головой, все отрицая.

– А это так, сестра! Именно так! И этот подонок думает приблизительно так же! Это я, твой родной брат, думаю по-другому, а вот он!.. – Леха матерно выругался и, забыв извиниться, продолжил: – Он принял тебя за глупую распущенную авантюристку, вот!

– Это он сам тебе так сказал? – не поверила Даша, ведь позвонил же ей сегодня Костя, сам позвонил и попросил приехать.

– Он так не сказал, – нехотя признался брат, врать ей он тоже не любил особо, да и не умел. – Но я же видел по глазам, что он о тебе думает.

– Вы подрались, Леш? – Даша слизала языком назойливую слезу, повисшую на верхней губе и не желающую оттуда скатываться.

– А чего мне драться с этим дрычем?! – фыркнул Леха, в недалеком прошлом – отпетый микрорайонный хулиган. – Мне его завалить – пару раз плюнуть! С таким даже неинтересно, пальцем ткнул, он и заныл.

– Ныл? – не хотела, да спросила она.

Верить в то, что Костя оказался рохлей, слабаком, нытиком и подонком, жутко не хотелось. Так вот сразу из героев и в подонки?..

Тяжеловато давалась ей подобная метаморфоза.

– Ну не ныл, – снова через великое «не хочу» признал Леха. – Ну не тыкал я его пальцем, что вообще это меняет?

– Это меняет все, – подала голос Даша, непонятно с чего обрадовавшись.

Подумаешь, не подрались. Подумаешь, не оказался Костя нытиком. По сути, это ничего не меняет, хотя ей казалось совсем иначе.

Главное – это то, что Леха узнал про ее тайную глупость, называйте это именно так. Узнал, представил все в гадком, искаженном свете. Наговорил наверняка кучу гадостей Косте, и теперь ничего уже невозможно исправить.

Но вот почему он все же позвонил ей сегодня утром и попросил приехать? Интересно…

– Ты выгнал его? – осторожно поинтересовалась Даша.

– Очень мне нужно! – фыркнул тот, снова с грохотом опустив кулак на стол. – Он же твой гость, разве я смею! Пускай живет, этой рухляди никому не жаль, но вот ты… Ты, Дашка, чтобы не смела туда и носа казать. Узнаю, что приезжала, спалю дом вместе с этим подонком, поняла?!

А он спалит! Ему станется! Измордовал же он ее одноклассника на выпускном вечере, когда тот из невнятной юношеской ревности взял и обрызгал Дашино платье грязью из свежей лужи. Еще как измордовал, невзирая на то, что родители Дашиного одноклассника занимали какие-то кресла в городской мэрии, а сам Леха еще ничего собой не представлял. Еще никаких постов главных менеджеров в солидных фирмах не имел. И никакие начальницы по имени Татьяна – это для других Татьяна Ивановна, ему – просто Татьяна – не были с ним запанибрата.

Уже тогда Леха славился сволочным и независимым характером.

– Не поеду, – пообещала неуверенно Даша и взглянула на брата с мольбой. – Ну, а позвонить можно?

– Звони, – смилостивился Леха и тут же внес поправку, на которые был большой мастак. – Но в моем присутствии!

– То же мне, цензор, – обиделась Даша и пошла в прихожую за дамской сумочкой, куда убрала мобильник перед дальней дорогой.

Леха страховки ради потащился следом. И дышал и сопел ей на ухо, пока она тыкала неуверенными пальцами в крохотные кнопки телефона. Ей в какой-то момент даже показалось, что уши брата начали шевелиться от нетерпения.

Костя долго не отвечал. Она даже запаниковать успела. А вдруг его утренний звонок был розыгрышем?! Вдруг он давно уже покинул домик, а ей позвонил из желания досадить бдительному Лехе, поднявшему такую бучу. Но потом неожиданно пришло соединение, и жизнерадостный Костин голос произнес:

– Алло! Даша! Привет! Ты подъезжаешь? Тебя встретить?..

Она ошалела, если честно. Чего угодно ждала, но только не подобного счастливого гомона, не позволяющего ей вставить хотя бы слово.

– А-а-а, я это… Не приеду, наверное… – промямлила она, с тоской наблюдая за своей трусливо упавшей в пятки душонкой.

– Не приедешь?! Ну, почему?! – с обидой спросил Костя. – Мы же договаривались! Ты же обещала! И потом… Мне здесь жрать нечего, если честно.

– Я понимаю, но…

Даша моментально осеклась, увидев возле своего носа увесистый кулак братца. Он конечно же слышал все. И теперь бдительно контролировал ее ответы.

И Даша вдруг разозлилась.

Какого черта, а?! Какого черта он лезет в ее жизнь?! Пускай вон со своей Варькой-притворщицей разбирается.

– Я не приеду, потому что мой брат обещал приковать меня наручниками к батарее, если я выдвинусь из дома, Костя! – выпалила Даша и, так и не узнав, как Муратов на это отреагирует, сложила свой телефончик книжечкой. – Все, Леха, конец лав стори. Пошли накрывать на стол, и веди своего претендента. Только не смей меня просить о том, чтобы я вела себя с ним приветливо, мило, без ехидства и зубоскальства излишнего.

– Опять издеваешься? – снова засопел тот.

Леха, как никто, знал, что, если сестрице шлея попадет под хвост, пиши пропало! Может выставить себя такой стервой, что любой здравомыслящий человек будет обходить не то что ее, а дом ее и улицу дальней стороной.

– Я не издеваюсь, я предупреждаю! – рыкнула Даша, повесила куртку, сняла непригодившиеся сапожки, напялила тапки, место которым было на помойке, и снова пошла на кухню. – Можешь выставить тут хоть полк, хоть три полка женихов, ничего не поменяется. Ничего! Мне они будут не нужны!

– А кто же тебе нужен? Дрыч этот, что ли? – все никак не сдавался Леха, шлепая за ней следом и дыша ей в затылок горячо и громко. – Нашла жениха! Да он же… Он же рвач, он же плейбой доморощенный! Ему же от приличной девушки только одно и нужно, пойми!

– И что ему нужно, что?! – Даша схватила принесенный Лехой пакет с такой силой, что бутылки, стукнувшись друг о друга, жалобно взвизгнули потревоженным стеклом. – Вот что ему нужно от меня, по твоим понятиям? Секс? Да он его может иметь за день раз по сто! К его ногам любая ляжет, понимаешь!

– Ты и легла, – огрызнулся брат, снова усаживаясь на табурет и упираясь спиной в подоконник. – Но ты ведь не любая. Ты же у меня особенная, Дашка! Тебе нужен другой, пойми!

– Кто?! Кто мне нужен?! Володька твой Королев, что ли?!

– А чем он плох? – Леха обезоруживающе улыбнулся ей, и вот в тот же самый момент в дверь ее квартиры позвонили. И братец моментально проговорил, как будто бы не было неприятного разговора между ними только что: – Давай, малыш, накрывай на стол, кажется, он пришел чуть раньше времени.

– КТО??? – взревела Даша, швырнув о стол палку сырокопченой колбасы. – Кто на этот раз почтит меня своим оценивающим вниманием?!

– Никого нового, малыш. Все тот же Володька Королев, встречайте!..

Глава 4

Королев Владимир мог бы быть мечтой любой здравомыслящей красотки. Мог бы, но не был. Чего-то ему явно недоставало для того, чтобы стать мечтой. Либо, наоборот, было в избытке.

Высокий, крепкий. С симпатичным, правильным славянским лицом. Кудрявыми русыми волосами. Прекрасными манерами и правильной речью. И все же…

Походка его при атлетическом сложении могла быть чуть раскованнее. Не стоило ходить, как на плацу, с неестественно выпрямленной спиной. Физиономию можно было бы иногда и не побрить, а то ведь щеки и подбородок вечно выскоблены до неприятного голубоватого оттенка. Волосы…

Иногда Даше казалось, что его безукоризненная прическа отлита из воска. Кудряшка к кудряшке были пристроены на его голове – строго по плану и необходимости.

И еще…

Ее просто мутило от того, как Королев одевался!

Галстук, пиджачная пара и непременная сорочка светлых оттенков. Интересно, в подвал за картошкой тот тоже лазил в пиджаке? Или в гараже на верстаке у него имелся запасной вариант пиджака с брюками, аккуратно вывешенный на плечиках?

Он вошел в ее квартиру с розами, которые держал в согнутой в локте руке, ну будто первоклассник, ей-богу. Увидел ее – заплаканную, в стоптанных старых тапках, с взъерошенными волосами – и, кажется, сник.

Интересно, что ему наобещал Леха? Что она встретит его в вечернем платье с уложенными в букли волосами? Ага, щ-щас!..

– Добрый день, Дарья, – произнес Королев неприятным ее слуху, суховатым голосом, тут же протянул ей, как заведенный, букет и уточнил для соблюдения порядка: – Это тебе.

– Благодарю, – буркнула она и сунула букет к уже подаренным хризантемам, которые из вредности оставила на тумбочке в прихожей.

– Можно пройти? – уточнил Королев, не дождавшись от нее приглашения.

– Входи, раз пришел, – фыркнула она и тут же ушла к брату.

Смотреть на то, как Володя станет развязывать шнурки на ботинках, потом аккуратно ставить их носочек в носочек под ее вешалкой, было выше ее сил.

– Тапочек для меня нет? – крикнул Королев ей вслед растерянно.

– Нет! – не оборачиваясь, крикнула Даша.

Тапочки ему, скажите, пожалуйста! Может, еще и постель разложить?..

Леха всю картину наблюдал от дверного кухонного проема, настроения, понятное дело, ему это не прибавило. Поэтому он достаточно хмуро смерил сестру взглядом с головы до ног и прошипел едва слышно:

– Ума нету, что поделаешь!

Даша, как любил говаривать ее брат, закусила удила и теперь на всякий разный манер репетировала про себя сценарий собственного отвратительного поведения. Надо же было вывести накрахмаленного Королева из себя! Раз уж субботний день пропал.

– Сходи переоденься, – приказал ей свистящим шепотом брат и ткнул между лопаток. – Ну!

– Сойдет и так. – Она злорадно улыбнулась, нарезая колбасу, и тут же громко шмыгнула носом, ведь именно с ее носа началась ее откровенная неприязнь к Королеву. – Он должен любить меня всякой, Лешенька. Твоя Варька небось при тебе и в ночной сорочке разгуливает, и в бигуди, так ведь? Вот пускай и ко мне простоволосой привыкает.

Привыкание Королеву давалось с великим трудом, это видели все.

Он присел к столу и с плохо скрытым изумлением наблюдал за тем, как Даша то почешет себя в боку, то облизнет пальцы от апельсинового сока, то некрасиво дрыгнет ногой, пытаясь пристроить на место то и дело спадающие старые тапки. Когда все сели к столу, стало только хуже.

– За что выпьем? – осторожно поинтересовался Королев, виртуозно разлив вино по высоким бокалам. – Может быть, Дашенька, предложишь что-нибудь?

– Почему нет? – снова злорадно ухмыльнулась она и тут же почувствовала тяжелый вес Лехиной ступни на своей. – Предлагаю выпить за свободу!

– Хм… – удивился вроде Володя, но бокал поднял. – Что ты подразумеваешь под свободой? Свобода вообще или имеется в виду что-то конкретное? Неплохо бы уточнить, Даша.

Даша и уточнила! И по мере ее уточнений лицо Лехи от светлого румянца покрылось плотной багровостью.

Чего только она не перечислила. Свобода мысли, свобода говорить то, что думаешь, свобода перемещения, независимости от обремененности семейными узами, свобода секса. В общем, все то, что способно было ввергнуть Королева в ступор.

Странное дело. То ли Королев так собой владел, то ли ему действительно было все по барабану, но его до нездоровой синевы истерзанное бритвой лицо излучало бесстрастность. Так мало этого, только Даша замолчала, он чуть выше поднял бокал и произнес:

– Отлично! Пьем!

Бокал вина Королев выхлестал весь до донышка. Даша лишь пригубила, тут же подосадовав на себя за неправильно выбранное направление в беседе. Надо было еще что-нибудь ввернуть про геев и лесбиянок, может, тогда проняло бы его, а?..

Ели потом практически молча. Леха изо всех сил старался разговорить Королева, плел что-то про бизнес, про погодные условия, грозящие всемирными катаклизмами, потом перешел на тему деторождения, вспомнив о демографической катастрофе. Старался, одним словом. Королев скупо улыбался тонкогубым ртом, иногда поддакивал, а все больше смотрел на Дашу. А она молчала, будто воды в рот набрала.

Леха выдохся через полтора часа. Тут же принялся нервно посматривать на часы. Лопотать что-то про назначенную встречу, о которой совершенно позабыл за приятной (!) беседой. И минут через десять подготовительных маневров ушел, мерзавец.

– Ну! Мне пора убирать здесь все, а тебе, Володя, думаю, тоже пора. – Она решительно поднялась со своего места и тут же принялась с грохотом ставить тарелку на тарелку. – Да… думаю, тебе пора.

Королев был иного мнения. Он поднялся деревянной куклой, снял пиджак. Неуверенно подержал его в руке какое-то время, а потом вдруг швырнул его неподобающим образом на табуретку, промямлив:

– Пускай полежит пока, потом выглажу. Я помогу тебе. Ты присядь, Даша, я все сам сделаю.

И сделал ведь! Вымыл все до единого прибора, до единого соусника. Все протер чистеньким полотенцем, расставил на полках в изумительном порядке. У нее так никогда не стояло. Вытер в три приема со стола. Полюбовался, наклоняя голову то к левому, то к правому плечу. А потом с чувством выполненного долга принялся разворачивать закатанные до локтя рукава белоснежной сорочки.

Ей бы порадоваться. Ей бы тут же просчитать, что вот он – мужчина, за которым можно жить как за крепостной стеной. Ведь ни к раковине, ни к газовой плите не подпустит. Все сделает сам, все предусмотрит, от всяких бед убережет и от забот тоже. А она…

Она едва не ревела. Перед глазами мелькало совершенно другое лицо. То самое, которое она с легкостью могла бы сегодня покрывать поцелуями. И любоваться на него, и думать, что нет в мире ничего прекраснее и совершеннее. И плевать ей на то, что парень безработ-

ный, бездомный и вообще непонятно кто. Он и только он нужен был ей, а не какой-то правильный и работящий Володька Королев.

Королев ее расстройство, как ни странно, расценил абсолютно правильно. Он встал у окна к ней спиной. Помолчал какое-то время, а потом и говорит:

– Я все понимаю, Даша.

– Что ты понимаешь? – вскинулась она мгновенно, ненавидя его за участие еще больше, чем раньше. – Что ты можешь понять, Королев, скажи?

– Я понимаю, что не нравлюсь тебе. Что тебе хочется чего-то другого. Чего-то взрывного, сексуального… – Он резко повернул голову и глянул на нее с прокурорской дотошностью. – Но, поверь, не в этом счастье.

– А в чем?

– В стабильности, милая! Счастье в стабильности, поверь. Я знаю, о чем говорю. Ты пока еще очень молодая и немного наивная, уж извини.

Королев виновато пожал широченными плечами.

– Твое желание фейерверка очень быстро пройдет, – пообещал со значением Володя.

– И когда же? – Она недовольно сморщилась.

Говорит с ней, как умудренный сединами старец, а старше ее всего на пару лет.

– Как только все разобьется о рифы семейного быта, так и потухнут все огни.

– А с тобой, стало быть, прозаичного семейного быта не будет? Так, что ли?

– Нет.

– Почему?

Вот сейчас она действительно заинтересовалась. И даже на какое-то мгновение позабыла о Косте, оставленном без еды и средств первой необходимости в глухой деревне. Ну, вот просто стало ей интересно, что такого сможет предложить ей Володька Королев вместо унылого семейного бытия, да еще и прозаичного.

– Потому что у меня все давно отлажено, милая. Все строго регламентировано и отлажено, – отрапортовал Королев с самодовольной улыбкой. – У меня все по расписанию, поэтому и…

Она просто встала и ушла из кухни. Слушать его больше не было сил. Он не разочаровал ее – нет. Он просто в очередной раз утвердил ее в мысли, что это герой не ее романа. И все!

Нет и не может быть ей счастья с таким, как Королев. Может быть, он и хороший, может, и славный, и правильный, и стабильный – чем он очень гордится, но ей этого не хочется. Вернее, хочется, но не в такой концентрации. Жить с таким, по ее мнению, все равно что ежедневно прогуливаться между полок с томами обширной энциклопедии, где на все есть ответ, где все систематизировано и правильно.

Хаос ведь в чем-то да должен быть! Хотя бы в стремлении удивлять друг друга. Королев ее не удивит ничем – нет! Он будет поучать, раздражать… И закончится все это просто взрывом.

Королев закончил с уборкой на кухне и приперся за ней следом в гостиную. Его не смутило то, что его приход словно не был замечен. Даша как сидела, уставившись в телевизор, так и продолжила сидеть. Ни взгляда, ни слова в его адрес.

Сел, испросив вежливо разрешения, рядом и вдруг потянулся к ее руке.

– Чего это ты, Володя? – Она вырвала у него свою руку и удивленно уставилась в непогрешимо честные глаза Королева. – Кажется, мы все уже выяснили.

– Ничего не выяснили, Даша. Это всего лишь эмоции, не более. Это все пройдет. – Он вдруг часто-часто задышал и потянулся к ней всем телом. – Ты молодая и взбалмошная, я серьезен и опытен. Это ли не прекрасно? Ты можешь начать совершать ошибки, а я стану их предотвращать и… И я хочу тебя поцеловать!

– Еще чего!!! – взвизгнула она с отвращением и отпрянула от него. – Никаких поцелуев, слышишь!!!

Он не слышал, кажется. Он сосредоточенно применял силу. Навалился, ухватил ее за левую руку, а правую зажал между собственным боком и спинкой дивана. И следом без ее на то соизволения впился ртом в ее губы, делая ей очень больно и неприятно.

Даша изо всех сил возилась, пытаясь вывернуться, но Королев был очень силен.

– Ты скотина!!! – прорычала она, задыхаясь, когда его мерзкий поцелуй закончился. – Я!.. Я Лехе пожалуюсь! Я ему скажу!..

– А разве он не этого хотел? – Глаза Королева наполнились незнакомой жесткостью, в которой не было и намека на учтивость. – А как же твое пресловутое желание свободы во всем? А? Разве не за это мы пили только что? Ну-ну, девочка, не дергайся. Я же все равно сильнее. А может, тебя само насилие заводит, а?..

И началось такое…

Не зря она его не переваривала, ох не зря. Он и в самом деле оказался очень гадким. Он рвал на ней одежду руками, зубами и говорил при этом отвратительные вещи про ее распущенность, которую давно уже пора было взять под контроль. И никакие уговоры, угрозы и ругательства не действовали на Королева. Кроме…

И как ей в тот страшный момент пришла в голову именно эта мысль, она потом и сама не смогла вспомнить. Что-то щелкнуло в голове, когда Королев запустил ей под резинку трусов ледяные сильные пальцы, и она закричала:

– Я посажу тебя, гадина, за изнасилование! Я посажу тебя, если ты не остановишься сейчас!!!

И он остановился. На мгновение замер, будто его обухом по голове огрели. Следом ослаб и меньше чем через минуту отвалился от нее, тут же начав отодвигаться подальше – на другой конец дивана.

– Убирайся! И чтобы я тебя здесь больше никогда не видела! Никогда и ни при каких обстоятельствах! Вон!!! – И сил хватило даже на то, чтобы указать ему на дверь.

О том, что он ушел, Даша поняла по стуку входной двери. Смотреть на него, судорожно поправляющего одежду, отвращение не позволило. Как только дверь хлопнула, она тут же кинулась в прихожую. Заперлась на задвижку, вмонтированную Лехой для надежности чуть пониже замка. Обежала все комнаты, проверяя все шкафы и ниши. Вдруг этот гад где притаился и не ушел. Убедилась в обратном и лишь тогда вспомнила о Косте.

Плевать ей на Лехины запреты! Пускай хоть десять раз, хоть сто ей запрещает. Она все равно сейчас созвонится и поедет в деревню. Видеть Костю, пожаловаться ему, а то и всплакнуть на его плече хотелось до невозможного.

– Аппарат абонента выключен или находится…

Дослушивать в десятый раз сообщение оператора смысла не было. Костя с чего-то не отвечал. Тут же нашлось с десяток причин, от севшего аккумулятора до прогулок по окрестностям. В деревне имелось несколько глухих зон, где мобильник совершенно не действовал.

Недолго думая, она снова оделась, подхватила задвинутую еще с обеда в дальний угол сумку с продуктами, туалетной бумагой и пластиковой посудой и вышла из дома.

Глава 5

Две недели угарного томления и метания между городом и деревней не прошли для нее даром, Даша заболела. Небольшая температура поднялась с вечера понедельника, а к утру среды уже зашкаливала за все предельно допустимые нормы. Больничный брать ей начальник категорически не позволил. Портить показатели ему, видите ли, не хотелось.

– У тебя, Дашуня, отгулов на полгода, – маслено улыбаясь, проворковал тот. – Вот бери и гуляй смело. А с твоей работой кто-нибудь справится, не переживай.

Если она и переживала, то не за работу уж точно. Она переживала – может, и заболела, – оттого, что Костя ее пропал.

Она не нашла его тем субботним днем в деревенском домике. Не нашла и днем позже. И все последующие дни, исправно мотаясь туда после работы, не нашла. Телефон его упорно отвечал ей вежливым голосом оператора, извещающим о недоступности.

Что было делать, думать, Даша не знала. Надежда увидеть его хоть когда-нибудь с каждым днем становилась все призрачнее и призрачнее. Отчаяние, напротив, прессовалось в душе темным громадным грузом, изливающимся каждую ночь в подушку горькими слезами.

А потом вот она заболела.

Телефон запел на прикроватной тумбочке мультяшным голосом Винни-Пуха. Звонил Леха. Он очень часто ей звонил в последние две недели, но ни разу не заехал с тех пор, как она выгнала из своего дома Королева. Нет, сначала у них с братом состоялось бурное объяснение, а уже потом…

– Чего тебе? – прохрипела Даша в трубку, не открывая глаз.

Глаза болели от дневного света, который насквозь пробивал плотные шторы.

– Как ты, сестрица? – с виноватой заботой поинтересовался брат. – Извини, что не заехал, дела, знаешь ли.

– Ничего, – пискнула она, нисколько на него за это не обижаясь.

От его опеки сейчас, явись он, ей стало бы только хуже. Будет ворчать, квохтать, жалеть ее, доводить своей жалостью до слез. Нет, не нужно.

– Тебе что-нибудь нужно, детка? – Голос брата моментально просел почти до шепота. – Может, сок, фрукты. Если нужно, я завезу.

– Нет, все есть.

Конечно, все это у нее было. Не доставленными Косте продуктами ломились полки в холодильнике и шкафах.

– Смотри, если что… – Леха помолчал немного, а потом проговорил со странной, непонятной маетой какой-то: – У меня сейчас дел невпроворот. Столько всего навалилось… Вот как все утрясу, так… Озолочу тебя, Дашка, и никогда уж больше со сватовством не полезу. Прости меня, ладно?

– Ты чего, Леш? – Моментальный непонятный страх больно надавил на горло. – Ты чего, Леш? И чего это на тебя навалилось? Ты же со всем всегда справлялся! С Варькой все нормально?

– Да нормально все с Варькой, чего ей станется! – с явной досадой ответил брат и вздохнул. – Так тут по работе кое-что…

– Что?!

Работа у Лехи была высокооплачиваемая и высокосволочная. Он был правой рукой начальницы Татьяны, которая занималась жилищным строительством. Вроде все всегда у них шло нормально. И жильцы, и строители оставались довольными и при своих. Но…

Но в последнее время что-то очень часто стали писать и вещать про какие-то пирамиды, про обиженных вкладчиков и про забастовки, которые те устраивали прямо на недостроенных этажах.

– Леш, вы что, людей обманываете?! – ахнула Даша.

– Почему сразу обманываем? Почему сразу обманываем, Дашка?! – запричитал тот не очень уверенно, а потом снова вздохнул: – Не без этого. Все шло хорошо, а теперь… Проблемы, короче, у Татьяны. Попались ей тут одни крутые. Если, говорят, вложенные деньги не вернете в течение недели, все – кранты.

– Кому?! Кому кранты, Леша?!

Татьяна ее мало волновала. Дама даже на первый взгляд казалась ей вздорной, самовлюбленной и неверной к тому же. Она не была верна никому: ни мужу, ни своим многочисленным любовникам. Даша даже полагала, что Варькина истерика и притворство были вызваны Татьяниным присутствием в жизни Алексея.

– Лешка, давай говори, что там у тебя стряслось, ну?!

Собственная немочь перестала волновать моментально. Громадные – с кулак – гланды как будто прекратили болеть, даже высокая температура начала сдавать свои позиции.

Лешка попал в какую-то переделку! У него что-то стряслось такое, к чему тот не был готов.

– Да ничего, сестрища, все в порядке, чего ты всполошилась, – рассмеялся брат невесело. – Думаешь, у нас раньше не было подобного кидалова? Да сколько угодно! Выходили раньше из всего, вот и теперь…

– Что твоя Татьяна?

– А что она? Во-первых, она никакая не моя, – ворчливо опротестовал Леха. – Во-вторых, она в полном здравии, как и раньше. Чего ей станет? Молодая, здоровая и…

– И совершенно безбашенная! – закончила за него Даша хриплым от болезни и волнения голосом. – Ей же все по барабану! Она жила и живет одним днем, заранее зная, что ты все за нее разрулишь и разгребешь!

– За что и платит хорошо, – осторожно заметил Леха, он уже сто раз пожалел, что затеял этот разговор с беспокойной сестрицей. – Ты головку себе не забивай загодя, а, Дашунь! Все будет тип-топ, вот увидишь. Оближем обиженных клиентов и все.

– Как же ты их собираешься облизывать, интересно?

– Как всегда.

– А как всегда? – упрямилась Даша.

Она уже по пояс вылезла из-под одеяла, хотя до этого куталась в него с головой. Ей совершенно все не нравилось. Эти дурацкие проблемы, навязанные необязательной начальницей ее брату. То, что брат уже взрослый человек, что он давно работает на фирме и знает все и участвует во всем, она в тот момент не думала. Думала лишь о проблемах, которые могут у Лешки возникнуть.

– А всегда, сестрища, это рублевым эквивалентом, – уже с заметной досадой пояснил брат. – Что ты как маленькая, ей-богу! Сказано вернуть деньги в течение недели, значит, вернем. Разве у нас есть выбор?

– Выбора нет, а деньги есть? Татьяна твоя, она… У нее даже собственная жизнь по кредиту! У нее же вечно нет наличности, все вложено, перезаложено и…

– Дашка! Прекрати немедленно! – взвыл, не выдержав, Леха. – Давай ты не станешь меня учить, а! Я не первый год с ней работаю и… И вообще выздоравливай давай скорее, у меня для тебя сюрприз имеется.

– Что? Еще один? – притворно ахнула Даша.

Лешкины сюрпризы она любила, чего душой кривить. Тот всегда бывал щедрым, опротестовав в ее сознании пословицу о здоровой жене и богатой сестре, которых только за эти достоинства и любят. Леха ее любил просто так, и любил преданно и щедро!

– Нет, сестрища, когда узнаешь, до потолка прыгать станешь. Ты же мечтала об этом, – не хотел, да проговорился тот.

Догадаться было нетрудно. Мечтала она уже давно о поездке во Францию. И не куда-нибудь, а в Париж. Неужели?..

– Лешка, правда? – ахнула Даша, тут же эгоистично позабыв о его проблемах. – Ты не обманываешь?!

– Когда это было, малышка? Вспомнишь хоть один раз, и я готов обналичить свой сюрприз не через месяц, а уже завтра.

Через месяц!!! Уже через месяц она полетит в Париж! И пройдется по Елисейским Полям. И влезет на самый верх Эйфелевой башни, хотя боялась высоты до тошноты. И вдоволь насидится в крохотных кафе, наблюдая исподтишка за стабильными эмоциональными французами!

– Я тебя обожаю, Лешенька! Я просто тебя обожаю!!! – прохрипела она, задыхаясь от радости.

– Еще бы ты меня не обожала, милая. – По голосу было несложно догадаться, что он самодовольно улыбается, ну, любил он удивлять и радовать, что делать. – Только выздоравливай скорее, и вот еще что…

– Что?

– Ты уж сделай милость, побереги себя.

– В каком смысле?

– В том самом, что если станешь, как и прежде, мотаться каждый день в деревню, да по слякотной осени, да по зиме потом, то Парижа тебе не видать, как своих ушей. И не потому, что я введу штрафные санкции, а потому, что сляжешь тогда уже надолго. Идет? – В трубке повисло настороженное ожидание.

– Идет, Леш. – Даша стыдливо зажмурилась.

Выходит, Лешка про ее мотания знал все досконально. Только не вмешивался и не мешал. Наблюдал со стороны, стало быть, как ее надежды разбиваются вдрызг. Тоже надо отдать должное его самообладанию и такту. Если бы он орал и преследовал ее, она бы взбрыкивала и только.

– Идет, Леш, – повторила Даша. – Только напрасно ты волнуешься. Он пропал!

– Кто пропал? Дом?! – Брат заволновался.

Не жалко было трухлявых бревен и сгнивших рам с полом. Дорога была память об отце с матерью, которым этот дом достался в наследство от их родителей, где они с Дашкой детьми месили босыми ногами прибрежный песок деревенского пруда. Вода черным глянцем блестела тогда под солнцем, у дальнего берега плавно колыхались потревоженные купальщиками кувшинки. Ягоды в корзинке под чистым полотенцем пахли так, как никогда уже потом не пахли. И они таскали их с Дашкой наперегонки горстями, и безбожно пачкали щеки, и смеялись так упоительно, что, глядя на них, смеялись и родители.

Разве можно было забыть и забросить все это?! Вот он еще немного соберется с силами и отстроит его заново – дом этот. И станут они снова там собираться все вместе: он со своей семьей, а Дашка, возможно, со своей…

– Какой дом, Леша?! Ну, при чем тут дом?! – заныла ему на ухо Даша. – Я говорю про Костю! Он пропал, понимаешь! Сколько я туда ни ездила, его там больше не было, вот…

– А звонить не пыталась? – поинтересовался вдруг брат и засопел виновато, с чего бы это вдруг.

– Пыталась! Он вне зоны действия. – И вот тут она не сдержалась и все же упрекнула его: – Вот не пустил меня тогда к нему! Он ждал, ждал…

– Ладно, не ворчи. – Она просто увидела, как симпатичное лицо брата недовольно сморщилось. – Найдем мы твоего Костю.

– Как?!

– Просто! Возьмем и позвоним ему на работу, всего и делов-то, – фыркнул он.

– На… Куда ты ему позвонишь?!

Нещадно ноющие от приглушенного шторами дневного света глаза широко распахнулись. Она не могла поверить в то, что говорил сейчас ее брат.

Позвольте, на какую работу, если Костя отрекомендовался ей безработным, бездомным, всеми брошенным, никому не нужным, и так далее и тому подобное?!

– О какой работе речь, Леша? – напряглась моментально Даша. – Ты что-то узнал о нем, Леш?!

– А как ты думаешь, сестрища? Неужели ты могла себе представить, что я позволю какому-то хлыщу жить в нашем доме, не проверив у него документы! Ты даешь, вообще! – Леша добавил что-то вполголоса про ее дремучую наивность. – Конечно, я все узнал о нем, прежде чем мы расстались.

– И что ты узнал о нем? – и тут же она заторопилась: – Муратов Константин Станиславович, так?

– Ну. Так.

– А дальше?

– А что дальше? Дальше узнал, что он не женат, что не имеет отпрысков, претендующих на одну четвертую часть его заработка. Что имеет приличное жилье, высокооплачиваемую работу, даже более того… Ну, и еще имеет дури на четверых, вот.

О последнем, нетрудно было догадаться, распространяться Лехе не хотелось. Он бы с великой радостью свернул сейчас разговор, но как?! Не удовлетвори он теперь Дашкино любопытство, не ровен час она бросится снова мотать километры от города до деревни и обратно. Дурочка же наивная, каких мало причем. Поверила с лету в корявую легенду. И куда бы ее это завело, интересно, не ввяжись он вовремя?

– Что ты имеешь в виду? – похолодело у нее моментально внутри. – Что за дурь? Ты не про наркотики, господи прости?!

– Нет, нет, успокойся. Не та дурь имеется в виду. А та, которая сродни жиру, с которого бесятся.

– Я ничего не понимаю! Ты можешь говорить внятно, нет?! Если ничего не скажешь сейчас, я через полчаса буду у тебя, и всю правду из тебя буквально вытрясу, и заражу простудной инфекцией, вот! Ты подумай как следует, ведь у тебя встреча с клиентами, хорош ты будешь с красным носом, с огромными гландами и температурой под сорок! – К концу монолога она уже почти сипела, истрепав свой голосовой лимит высокими модуляциями.

– Ладно, ладно, – сдался наконец Леха. – Ищи на улице Столичной своего Муратова. Его там все знают. Укажут адрес мгновенно. А когда найдешь его хижину, сразу все поймешь про него самого и про дурь его тоже. Все, малыш, давай пока, мне тут звоночек параллельный пробивается, возможно, от клиентов тех самых. Целую, до встречи…

Стоило ему отключиться, из нее будто дух выпустили разом. Весь запал, весь запас сил и эмоций иссяк мгновенно. Даже голова закружилась, и затошнило слегка. Может, от усилий, которые она прилагала, вытягивая из брата правду, а? Может, оттого, что на улице Столичной не было и не могло быть места бездомному, безработному и всеми сразу брошенному? Ведь улица Столичная была их городской Рублевкой. Эдакий крохотный ее аналог. Как туда мог затесаться Костя Муратов, скажите на милость?! Что он там забыл?

И почему она не знала о нем того, что стало известно ее брату? Не знала или не хотела знать?..

Даша задумалась, плотно зажмурив глаза. И через пару минут с печальным вздохом констатировала, что вела себя как последняя дура.

Подцепила незнакомого парня на улице, потащилась с ним на ночь глядя за город, улеглась с ним в постель, а надо бы…

А надо было взглянуть на его документы. Кажется, именно так поступил Леха, познакомившись с Костей.

Даша замотала головой из стороны в сторону.

Нет! Ну что за маразм лезет в голову!

Не могла она требовать с Муратова паспорт. Не смогла при первых минутах знакомства, не смогла бы и потом. Некрасиво это, не по-человечески. Сама же предложила ему помощь.

Да, бросилось невзначай в глаза, что у того телефон с дорогущими наворотами. Да, где-то в подсознании чесалась мысль, что вещи на Косте, хотя и с прорехами, но все же далеко не дешевые. Манера вести себя, говорить, любить, в конце концов, выдавала в нем что-то незаурядное, неординарное.

Почему она закрывала глаза на это? Почему не задумалась вовремя? Кто бы знал! А теперь вот лежи и ломай голову, что может делать на улице Столичной ее знакомый, успевший так запасть в душу. И о какой такой дури намекал ей Леша.

Даша повозилась на смятой простыне, попыталась заснуть, но куда там. Мысли, мысли, мысли одолели так, что и про болезнь забылось. Она отшвырнула с себя одеяло, свесила ноги с кровати и нашарила тапки. Села через великую немочь и тут же потянулась за толстым халатом. Все еще знобило, хотя в квартире было тепло. Укутавшись по самый подбородок, пошла на кухню, поставила чайник. На негнущихся ногах подошла к холодильнику и, потянув на себя дверцу, заглянула внутрь.

Не мешало бы перекусить. В последние дни, кроме горячего чая, молока и лекарств, желудок ничего не принимал. Аппетита не было и сейчас, но теперь у нее появилась решимость, которая требовала немедленных действий, а те, в свою очередь, сил.

Огромный кусок докторской колбасы она жевала, наверное, целый час. Откусывала понемногу, запивала горячим чаем с липовым цветом, мятой и медом и проглатывала с великим трудом. Кое-как расправившись с колбасой, Даша налила себе еще кружку чая, размешала вязкий, как глина, мед и пошла обратно в спальню.

Костя, Костенька, Костюша…

Кто же ты такой, а? Почему Леша не захотел посвятить ее во все детали и тонкости? Уж не потому ли, что Муратов оказался не мерзавцем, не подонком и не гадиной? В противном случае брат давно бы пресек ее метания и даже произносить его имя вслух не позволил бы. Так? Так! Значит, Константин Муратов может быть мужчиной ее мечтаний и чаяний? Вполне. Только бы вот еще он отыскался. Не пойдет же она в самом деле по улице Столичной и не станет приставать к каждому встречному с вопросами о нем.

Лешка сказал, что у Кости имеются работа, жилье, благополучие, что он не обременен семьей, детьми, а стало быть, свободен. Почему тогда он ей не звонит? Обиделся? Может, и так, может, и так…

Рука, как зачарованная, тут же потянулась к телефону. Номер Муратова она вбила на тройку. Нажала и стала ждать. Вот сейчас, сейчас, заунывный голос оператора ответит ей, что…

– Алло!

Она так растерялась, услышав его голос, который прозвучал для нее совершенно неожиданно, что какое-то время молчала, забыв, что пора бы уже ответить.

– Алло! Даша, это ты? – нетерпеливо позвал ее Костя. – Ты чего молчишь? Не молчи, номер твой высветился. Это ты?

– Я, – хрипло выдохнула она и едва не заплакала от облегчения и счастья, ударившего так неожиданно и почти под дых. – Привет.

– Привет, как дела?

– Нормально.

– А чего ты хрипишь?

– Болею.

– Ну вот, – попенял он ей. – А говоришь, нормально! Где же нормально, если ты болеешь?! Что-нибудь серьезное? Может, я могу тебе чем-то помочь?

Да! Да, да, да!!! Конечно, может он ей помочь! Еще как может! Ему и надо-то, что приехать к ней сейчас и немного побыть рядом. Она бы посмотрела на него немного и…

Так, стоп! При всем при том, что она станет на него смотреть, Косте тоже ведь никто глаза не закроет. Ему тоже придется на нее смотреть и видеть распухшую от температуры и бесконечного сна физиономию. Любоваться взлохмаченными нечесаными волосами. А чудесные сизые полукружья под глазами! А потрескавшиеся губы и мертвенная бледность! Нет, как бы она ни хотела, приезжать ему не стоило.

– Почему? – удивился он и даже, кажется, слегка обиделся. – Ты не хочешь меня видеть? Даша, я чем-то обидел тебя? Извини, что не позвонил, я был в отъезде по делам. Но теперь вот освободился и могу…

– Нет, Костя, – испуганно перебила его Даша. – Давай как-нибудь в другой раз. Я немного приду в себя и уж тогда.

– Ну, хорошо, хорошо, выздоравливай, – сдался он. – Не стану тебя пока тревожить, но потом… Короче, нам нужно все-таки серьезно поговорить. Дело в том, что твой брат…

– Я все знаю! – снова перебила его Даша, мысленно обругав Леху за самоуправство и грубость.

Наверняка ведь грубил и хамил, он это может. И на горло наступал, этого у него тоже не отнять.

– Я все знаю, Костя. Он мне рассказал. Ты извини его и меня за него извини, хорошо?

– Да при чем тут какие-то извинения, Дарья! – вдруг вспылил Муратов и громко на кого-то огрызнулся. – При чем тут твои извинения! Дело не в этом!

– А в чем? – Даша с тоской уставилась на оконный проем.

Он не один сейчас! Он с кем-то там, и этот кто-то, возможно, женщина. Красивая, ухоженная, шикарная женщина, которой только и место, что на улице Столичной. Да рядом с таким мужчиной, как Костя Муратов. А Леха все ей испортил. Неспроста так злится и раздражается теперь Костя. И даже готовит ее к какому-то серьезному разговору, который непременно состоится, когда она выздоровеет.

– Дело в том, что он все не так понял, Даша. Он орал, бесновался, даже пытался дать мне по лицу, представляешь! – начал жаловаться на Леху Костя. – Я ему про цивилизованные отношения, а он на меня с кулаками.

– Извини, – снова пролепетала Даша. – Он иногда просто невыносим. Извини его, он просто очень любит меня и переживает.

– Но ты же взрослый человек! Ты сама отвечаешь за свои поступки, и потом… Потом ему никто не давал права вваливаться ко мне на работу в мое отсутствие и строить моих коллег, как школяров. Это вообще выходит за рамки дозволенного.

– Он был у тебя на работе?! – ахнула Даша и мысленно простонала.

Леха все же идиот, хотя и корчит из себя великого умника. Ну разве можно добывать сведения таким варварским методом?!

– Да, был он у меня на работе! – Гнев Кости нарастал. – И мало того что устроил там скандал, так он еще и в отделе кадров девчонок почти возле стен выстроил, требуя мои анкетные данные.

– О, нет! – Даша покраснела до слез, представив, как беснуется ее братец в чужих кабинетах. – Этого не может быть!

– Увы, это так. Когда мне позвонили и рассказали обо всем, то первое, что я хотел сделать, это сдать твоего брата властям. Но потом… – Костя с раздражением выдохнул. – Но потом я вспомнил о тебе и немного остыл. Будь у меня такая очаровательная и не защищенная природной осторожностью и умом сестра, кто знает, как бы я повел себя.

– Ты… Ты только что обвинил меня в чем-то? – Плакать с каждой минутой хотелось все острее и острее. – Или оскорбил?

– Извини, – буркнул Костя и снова рявкнул на кого-то подле себя. – Я не хотел тебя обижать, но… Но как представлю, что за всем его маразмом можешь стоять ты, мне просто… отвратительна одна мысль о том, что ты могла быть подстрекателем, Даша.

– Это не так!!! Я не знала, что он станет что-то копать, узнавать и… И я за полчаса до звонка тебе только и узнала обо всем. Узнала, потому что упрекнула его. Он не пустил меня к тебе тогда в выходной день, а потом я ездила туда… каждый день ездила, Костя! Я все думала, что ты там появишься, что я увижу тебя, но тебя все не было и не было. Вот я и сказала Лешке сегодня, что это он во всем виноват, и он…

Даша с трудом проглотила рвущиеся наружу рыдания. Она терла глаза, дергала себя за ухо, пыталась, прежде чем расплакаться, успеть все сказать ему, пыталась убедить в том, что она не виновата, что Лешкино самоуправство не подпитывалось ее любопытством. И она все говорила и говорила ему что-то, хотя давно уже следовало бы отключить телефон и нареветься вдоволь.

– Хорошо, хорошо, – нехотя сдался Костя. – Пусть так, пусть ты ни при чем, но мне от этого не легче. Короче, передай своему брату, что, если он еще хоть раз появится возле меня, я… Я сломаю ему шею, Дашка, так и знай!

– Костя! Ну что ты такое говоришь! – испуганно ахнула она. – Это страшные вещи, ты не смеешь!

– Разумеется, это образное выражение, но ты его все же предупреди, идет?

– Да, идет. Я обязательно скажу ему, чтобы он… Извини, пожалуйста, Костя. Извини, я не думала, что все так далеко зайдет. И отсутствие у меня природной осторожности и ума, – не удержалась, едко вставила она, прежде чем отключиться, – было продиктовано только тем, что ты мне очень, очень понравился. Вот и все.

Даша отключила телефон и расплакалась.

Ревела долго, с самозабвением, жалея себя, ругая Лешку, Костю. Одного за то, что зарвался. Другого…

Другого вроде и ругать особо было не за что, но и его она ругала.

Она же для него на все была готова, а он!..

Она ведь, невзирая ни на что, предложила ему помощь, окружила заботой, поила и кормила, приютила, а он!..

Она влюбилась в него, как последняя идиотка, забыв для начала – прежде чем поселить в своем доме – спросить хотя бы документы, а он!..

А он ее в отсутствии ума упрекает, а это ведь почти что дурой обозвать! Это ли не оскорбление?! Еще какое оскорбление!

Не захочешь, да вспомнишь Королева, презирающего эмоциональные фейерверки. Не захочешь, да станешь искать утешения у него и ему подобных.

Шею он Лешке собрался сломать, если тот еще раз к нему заявится! Не очень-то и нужно к вам заявляться, Муратов Константин Станиславович. Общих тем для обсуждения

больше нету. Иссякли они после состоявшегося объяснения, которое она пыталась отложить до лучших времен, отказав ему в свидании. Может, и стоило повременить. Может, такого бы и не случилось. Все сгладилось бы со временем, и не было бы сказано страшных слов, отсекающих все возможные надежды.

Доревелась она до такой степени, что температура снова поднялась до тридцати девяти. Она то засыпала, то пробуждалась с тяжелой головой и ноющим сердцем. Смотрела мутными глазами вокруг себя, пытаясь вспомнить причину ноющей боли. С ужасом вспоминала, тут же зарывалась лицом в подушку и снова проваливалась в тяжелый изматывающий сон. Сколько продолжалось ее летаргическое беспамятство, Даша бы не сказала с точностью. Спасибо Варьке. Привела ее в чувство.

– Эй, да ты живая тут или нет?! – разохалась та, громыхая так, что у Дарьи тут же заломило виски. – Это же надо, который день лежит и помощи не просит! Я Лехе говорю, а он весь в своих проблемах, только отмахивается!.. Ты хоть ела что-нибудь, посмотри, на скелет похожа!.. Ой, беда, беда, Дашка! Да что же это! Я врача сейчас вызову!

– Не нужно врача, – прохрипела Даша и с трудом качнула головой. – Теперь все будет нормально, Варя. Все прошло уже.

– Что прошло? Что прошло?

Варвара сноровисто прибиралась в комнате. Комкала опустевшие упаковки от таблеток. Смахивала пыль с подоконника, тумбочки. Подбирала с пола полотенца, которые Дарья, смочив смесью воды и уксуса, укладывала себе на лоб все предыдущие дни, и ворчала, ворчала, ворчала без устали. Потом, подхватив Дашу под мышки, почти волоком потащила в ванную. Там стащила с нее потную ночную сорочку и заставила встать под душ. Вымыла ей волосы, вытерла насухо полотенцем. Укутала в толстый халат. Усадила потом ее в гостиной на диван. Сунула в руки фен и приказала безапелляционным тоном:

– Суши свои лохмы, а я пока тебе бульон сварю куриный. Куриный бульон, он первое средство при болезнях. Съешь бульончика, курочки щипнешь, глядишь, через день-другой на ноги встанешь. А то расхворалась, понимаешь. Есть ничего не желает. Пить тоже. У тебя в заварнике плесень даже. Разве так можно?

Так было нельзя, это Даша понимала. Но как можно, тоже не знала.

Разговор с Костей казался ей теперь – по прошествии нескольких дней – еще более страшным. В памяти всплывали какие-то странные ассоциации. Слышалось даже то, чего и не произносилось, кажется. Какие-то полунамеки, полутона, угрозы. Было это или нет? Говорил об этом Костя или ей все это показалось? Говорил, наверное. Неспроста же ей так плохо. Всю корчит и выворачивает. И даже Варькина забота не спасает, а лишь нагнетает раздражение.

– Лешка где? – угрюмо поинтересовалась Даша, через великие уговоры выпив чашку бульона. – Что-то не звонит, не приходит.

– Он звонил, у тебя телефон отключен! – И Варька потрясла в воздухе Дашкиным телефоном, тут же нажала на кнопку, дождалась, пока тот загрузится, и тогда только положила на стол. – И заходил он к тебе, ты спала. Кстати, Даш, он тебе ни о чем таком не рассказывал?

– О чем? – напряглась моментально она.

– Ну… Я не знаю… – замялась Варя, села рядом на диван, сжала коленями ладони и уставилась странным взглядом в стену поверх Дашкиной головы. – Странный он какой-то в последние дни. Что-то мутит, на вопросы не отвечает. Я же не просто так тогда в обморок шлепнулась. У него кто-то есть, Дашка, я это чувствую. Он хоть и не признается, но что-то тут не так. Нечисто как-то, я это за версту чую.

– Может, по работе у него что-то. Неприятности какие-нибудь. Он тебе не рассказывал?

Кажется, перед тем как позвонила Косте, она разговаривала с Лешкой, и он что-то рассказывал про работу. Что-то там у него не клеилось, не ладилось, но вот что?

– Ничего он мне не рассказывал! – с раздражением фыркнула Варвара. – У него слова не вымолишь, у брата твоего. Иногда просто послать все к чертовой матери хочется и… А почему ты решила, что у него что-то с работой не ладится, а?

– Ну, я не знаю. Я просто предположила. – Даша замялась, пытаясь вспомнить.

Ведь точно что-то он ей рассказывал. Она еще тогда переволновалась, только бы вспомнить почему. Потом Леха начал раздражаться, пожалев о собственном откровении, свел разговор на сюрприз и…

Черт! А ведь она в Париж должна будет лететь! И скоро уже полетит, Лешка обещал! Но что было перед этим, а? Что он говорил ей про кого-то обиженного, обманутого и проблемного?

Нет, за всеми проблемами с Костей ей ни за что не вспомнить крохотного эпизода, который Лешка поспешил к тому же быстро замять.

– Варя, ты подожди носом хлюпать, – переполошилась Даша такому повороту. – Все еще наладится. Лешка же, он такой… непредсказуемый, сама знаешь.

– Да уж! – зло фыркнула Варя, брызнув слюной в разные стороны.

Схватила со стола свою сумочку, порылась, достала носовой платок, а вместе с ним какую-то фотографию. Некоторое время рассматривала ее со смесью неприязни и любопытства на лице, а потом сунула ее Даше, почти приказав:

– Смотри! Любуйся на своего святошу!

Святоша на фотографии щеголял голым торсом, к которому прочно присосались алчные губы его начальницы Татьяны. Та, к слову, была абсолютно голой. Крупные груди нахально упирались в Лешкин волосатый живот. Руки же Татьяны шарили под полотенцем, которым были обмотаны бедра брата.

– Это у них так производственные совещания проходят, – ледяным тоном пояснила Варя, продолжая высматривать что-то на стене поверх Дашиной головы. – Почему именно в сауне, я не знаю, но что это совещание – точно!

– Ты откуда знаешь? – промямлила Даша, не зная, куда деваться от смущения.

Ну, братец, каков ходок, а!!! Ездил ей по ушам, что он своих ребят и жену Варвару ни на кого не променяет, а сам…

Да ладно бы нашел кого себе поприличнее, а то польстился на Татьяну, с которой в их городе не был только ленивый.

– Слушай, а может, это фотомонтаж, Варь? Ты бы…

– Какой фотомонтаж, какой фотомонтаж, чего ты мелешь, Дашка?! – взвизгнула Варвара, вскочила с дивана и заметалась по гостиной, с излишней театральностью заламывая руки над головой. – О каком фотомонтаже речь, если он сам ничего не отрицает!

– Кто? Лешка? – не хотела, да ахнула Даша.

– Лешка, Лешка! – закивала энергично Варвара, уронив руки вдоль туловища. – Я когда эту фотку в его вещах нашла, чуть сознание не потеряла. Знаешь, как это больно, когда человек, ради которого ты готова на все, берет и просто комкает тебя вот так!

Варькины пальцы с длинными ухоженными ногтями сжались в жесткий кулак. И она тут же потрясла им перед Дашиным лицом, да с таким остервенением, что та не хотела, да подалась назад.

– Этот гад жизнь мне поломал, понимаешь! Он!.. – Варька грязно выругалась. – С этой паскудой, а я горшки его детям в это время подносила!

– Они и твои дети тоже, Варь, – напомнила Даша, прислушиваясь к головной боли, медленно блуждающей под ее черепной коробкой. – И зачем ты мне все это рассказываешь, показываешь, разве я могу что-то изменить между вами?

– Я показываю тебе это потому, что он пропал! – заорала Варька страшным голосом и тут же ткнула длинным пальцем в фотографию, почти проткнув ногтем полную Танькину

грудь. – Он пропал с этой сисястой сукой!!! Он не звонит, не появляется второй день! Это знаешь, что может означать?!

– Что? – покорно переспросила Даша.

Лешкина судьба ей не была безразлична. Даже невзирая на то, что она разозлилась на него из-за Кости, даже невзирая на то, что в глубине души осуждала его за шашни с начальницей. Она за него переживала, жалела и чуть-чуть, совершенно немного, оправдывала.

Любить иных тяжелый крест, как сказал кто-то. Варька была как раз из таких. Она была склочной, самолюбивой, корыстной и… некрасивой. Много раз Даша задавалась вопросом: с чего это Лешка польстился на худосочную, несимпатичную девушку, когда рядом с ним сновали толпы покоренных им красавиц? В чем было дело? Однажды, правда, он прозрачно намекнул ей на какой-то свой корыстный интерес, связанный с положением Варькиных родителей, с квартирой в центре города и возможным безбедным существованием под ее крылом, но…

Но не хотелось Даше думать, что Лешка может так вот запросто погубить свой талант, свою красоту ради сотни квадратных метров. И представлять даже не хотелось, как можно ласкать женщину из тривиального чувства благодарности за материальные блага.

На Варьке Лешка все же женился. Сначала появился один сын, следом второй. Все как-то устаканилось, успокоилось, казалось приемлемым, стабильным. Были семейные праздники, дни рождения, смех, счастье, и со стороны совсем не казалось все это наигранным. Лешка ей всегда в таких случаях казался очень искренним и любящим, но как…

Как тогда в эту схему уместить Татьяну?!

Фотография, если она, конечно, подлинная, без затей обнажает их откровенное, не прикрытое ничем желание. И опять…

Если случился грех, зачем его фиксировать, а затем еще и хранить в личных вещах. Умышленно?

– Слушай, Варь, ты не ори, у меня голова сейчас лопнет, – попросила Даша и для наглядности уложила ладонь себе на лоб. – Ты мне лучше вот что скажи… Как это он тебе так вот запросто и заявил? Ну, в том смысле, что это было у них совещание?

– Ну не совсем, может, так, – замялась Варвара, чуть сбавив обороты и понизив голос до нормального его звучания. – Просто сказал, что я дура, раз ничего не понимаю. Что это все в интересах дела и все такое. Я ему: разве мы настолько нуждаемся, что ты обязан трахать эту кобылу?!

– А он?

– А он говорит, что все слишком далеко зашло и что он повязан по рукам и ногам. А потом перестал со мной и вовсе разговаривать. Молчал дня три, а потом и вовсе пропал. – Варвара упала на диван, смешно подбросив худые ноги. – Вот что я могу теперь думать, а, Даш?! Что?! Что он ушел к ней?!

– Так позвони и узнай.

Даша пожала плечами. Куда уж проще, набрать номер, если не мобильный, так служебный, и узнать все из первоисточника, то есть у Татьяны. Та баба еще более вздорная, чем Варька, не преминет ужалить, уколоть, сделать больно.

– Ты думаешь? – Варькины заплаканные глаза задумчиво поерзали по Дашиному бледному лицу. – Ты думаешь, что она скажет мне правду?

– Думаю, что да. Если Лешка ушел именно от тебя к ней, думаю, она сообщит об этом с великой радостью. Кстати, а на работу ты ему звонила?

– Звонила, – кивнула Варвара со вздохом, хлюпнула носом и принялась щелкать ногтем об ноготь, привычка, за которую Лешка готов был ампутировать ей руки по самые локти. – Его секретарша сказала, что он взял отгул.

– А Таньке не звонила?

– Нет, той не решилась. Я ее, если честно, слегка побаиваюсь. У нее же полгорода в дружках, в том числе и бандиты. Ох, и куда он влез, куда?!

Варвара снова расплакалась, некрасиво морща и без того несимпатичное лицо.

– Даш, может, ты позвонишь ей, а? – взмолилась она, громко высморкавшись в скомканный в ладони носовой платок. – Позвони, будь другом, а! Скажи, что болеешь, что ищешь его и все такое. Я боюсь! Она ведь меня и послать может, так ведь? Позвони этой курве, Дашуня!!!

И Варька швырнула Даше на колени портрет обнаженной курвы, где та с упоением ласкала Лешку.

Нет, Варьке звонить было нельзя, это однозначно. Не сдержит эмоций и начнет полыхать праведным гневом, полоща на всякий манер Татьяну – разлучницу, мерзавку и прочее, прочее, прочее. Та, понятное дело, в долгу не останется. И даже если Лешка ей и не нужен был в роли постоянного партнера – а скорее всего это так, – Татьяна сделает все, чтобы оставить Варьку с носом.

– Ладно, – согласилась Даша. – Позвоню сама, а то вы с ней ухитритесь по телефону разругаться так, что после этого хоть потоп. Давай телефон, начнем искать нашего непутевого бродягу.

Рабочие телефоны на фирме, где главенствовала и повелевала Татьяна, молчали. Они обзвонили всех, включая вахтера и охранника. В ответ лишь длинные гудки.

– Вымерли они там все, что ли?! – ворчала Даша, перелистывая записную книжку, куда Лешка вписал все возможные номера, по которым она его может отыскать «в случае чего».

«В случае чего» как раз и имело место быть. Лешка не ночевал дома. И не психовала бы сейчас так Даша, не мелькай у нее в мозгу обрывочных воспоминаний о каких-то неприятностях, рассказанных братом как бы вскользь.

Семейные дела – это одно, а проблемы, связанные с большими деньгами, – это другое. А деньги у них на фирме крутились такие, что…

– Ну и чего?!

Варька глядела на ее сжатый рот, не отрываясь, все ждала, бедная, как Даша станет говорить хоть с кем-то. И хоть что-то сможет узнать. Но вся беда была в том, что говорить было не с кем. Молчали все телефоны, будто молнией их внезапной какой посрезало.

– Надо звонить Татьяне домой, – через заминку пробормотала Даша. – Только не представляю, что я скажу, если к телефону подойдет ее муж!

– А он у нее все еще есть?! – Варька от неожиданности даже икнула. – Во дает, а! Вот это стервозина! Весь город перетрахала, а муж все равно при ней! Молодец, что сказать! Звони, Дашка! Мы не за чужое, мы за свое добро радеем, звони!

Даша нехотя перевернула еще одну страницу в своей записной книжке. Там, слева, в самом верху, у нее был записан домашний адрес и телефон Татьяны. И ее следом за Варькой тоже чуть не одолела икота, когда из ровных букв, выписанных Лешкой, сложилось название улицы.

Улица Столичная, двадцать восемь! На улице Столичной проживала благословенная жрица любви и хозяйка домостроительной фирмы «Голиаф» Татьяна. А Даша как-то и не подумала совсем, что Лешка мог от Татьяны все узнать про Костю. Она, конечно, предполагала, что мир достаточно тесен, но не настолько же…

– Алло, слушаю вас. – Мужской голос произнес все это с мягкой вкрадчивостью и тут же замолчал.

– Алло, добрый вечер, – пробормотала, растерявшись, Даша.

К телефону, по всей видимости, подошел как раз муж Татьяны. Интересно, кого она хотела услышать?

– Добрый, – все с той же вкрадчивостью поприветствовал он ее. – Что вы хотели? И с кем имею честь говорить?

– Я? Я… Я это… – запуталась она, заранее не продумав возможный вариант ответа. – Я хорошая знакомая Татьяны. Ее можно к телефону?

– Танюшу? Конечно, можно, – обрадовался вдруг он, перестав казаться настороженным, и даже с хохотком каким-то позвал: – Милая, подойдешь, здесь тебя какая-то девушка требует. Что говорит? Говорит, что твоя очень хорошая знакомая.

Откуда-то издалека Татьяна тут же разразилась гневливым речитативом про то, что всех своих хороших знакомых она в гробу видала в белых тапках, и что у нее законное время отдыха, и что она запросто может послать всех куда подальше. А если это звонит та самая стерва, что требует назад свои бабки, то пускай катится ко всем чертям. Квартира будет предоставлена в срок на законных основаниях, и все такое…

– Вы все слышали? – вежливо спросил Дашу законный супруг скандалистки.

– Да.

– Еще какие-то вопросы?

– Не вопросы, нет. Просто скажите Татьяне, что звонит Даша… – Она немного помялась, не зная, обозначать ей свое родство с Лешкой или нет, кто знает, какие фотографии хранит Татьяна в своем семейном архиве. Потом все же решилась. – Звонит Даша, сестра Алексея. Пригласите ее, пожалуйста!

Было слышно, как он что-то вполголоса втолковывает громогласной своей супруге. Потом пауза, и через мгновение:

– Да! Дашка, правда, что ли, ты звонишь?! – рявкнула Татьяна прямо ей в ухо.

– Я. – И Даша даже кивнула для наглядности, будто бы та могла сейчас ее видеть.

– И чего тебе надо? – Вежливой Татьяна быть не хотела и не могла ни для кого. – Чего звонишь, тем более мне домой?!

– Тань, Лешка не ночевал дома, – жалобно, почти пискляво, пробормотала она, пытаясь надавить на жалость, хотя жалости в той было, что в анаконде. – Варька пришла, плачет, волнуется. Не знаем, что думать…

– Да ладно! – перебила Татьяна ее тут же и заржала в полный голос: – Не знаете вы! Потому и звоните, что думаете, будто он ко мне от своей каракатицы убег! Так ведь?

Возразить было трудно. Проницательности в той было ровно столько же, сколько наглости, похотливости и бесстыдства.

– Только нету его у меня, девочки. Нету и быть не может, – проговорила она, не дождавшись ответа на свой вопрос. – Самой очень хотелось бы его увидеть, паскудника. А он на работу не явился сегодня, а должен был, мать его! Вопрос важный корячится, а его нет! Как это понять, мать его?!

– Какой вопрос? – Даша тут же помертвела, моментально все вспомнив.

Будто щелкнуло что-то в больной голове, подпитавшись хриплоголосой грубостью Татьяны. Щелкнуло, вспомнилось и тут же встало на свои места.

Лешка говорил что-то про обманутого клиента, который, не удовлетворившись сроками то ли сдачи объекта, то ли закладки фундамента, затребовал вдруг свои деньги обратно. Деньги были огромными, клиент был серьезным, оттого так и волновала ситуация Лешку.

Дашу она тоже поначалу взволновала. Ведь ей было известно, что Татьяна даже в собственный сортир ходила, взяв кредит. Налички в ее кошельке иногда не хватало на буханку хлеба. Все у нее было вложено, перезаложено, крутилось, преумножалось и снова вкладывалось. Бывало, что и прогорало.

Так вот Даша именно из-за этого разъяренного вкладчика и переполошилась, но потом Лешка очень умело съехал с опасной темы…

– Какой вопрос, Тань?! Что за вопрос?! – пристала она, хотя Танька то ли нарочито, то ли взаправду принялась громко зевать в трубку. – Это же может быть очень важным и…

– Еще бы это было неважно! – заорала вдруг она. – Если он решил срубить с меня денег подобным способом, я его сама найду и на куски порублю! Так ему и передай, если объявится! Пойму, конечно, если запил или загулял с кем. Это ладно, днем раньше, днем позже, но если решил меня кинуть, удавлю без суда и следствия!

Вот оно! Она так и думала, что этот бизнес добром для брата не закончится. Что-то случилось, Даша теперь была в этом абсолютно твердо уверена. Неспроста так беснуется Татьяна. Не просто так примчалась к ней Варька. И не на пустом месте произрастают все ее страхи, которые вдруг вернулись и принялись душить и выворачивать все изнутри наизнанку.

– Короче, я устала, – провозгласила царица «Голиафа» и снова шумно зевнула Даше в самое ухо. – Завтра поговорим, если не объявится. Но учти, если не объявится, то…

– То что?

– Тогда нам всем труба, поняла?

– Кому – всем? – не поняла ее Даша и опасливо покосилась на Варьку, та подслушивала с таким напряженным вниманием, что у нее заострился кончик курносого носа, который обычно смотрел вверх почти поросячьим пятачком.

– Ну не тебе, это уж точно! Мне писец настанет! Фирме моей, да и вообще… Ладно, пока. Давай до утра отложим всю эту байду. Приезжай утром на фирму, там и повидаемся. Лешка, может, к тому времени пропьется…

Глава 6

Утро началось с суматошных сборов, безуспешных попыток привести себя в порядок, с бесконечных Варькиных звонков и ее звонков на работу Лешке.

Варька все рыдала и стенала, что Лешка так и не объявился. Что на работе его по-прежнему нет и никто не знает, где он и что с ним. Потом, беспрестанно сморкаясь, жаловалась на головную боль и страшные сновидения. Она якобы уже была у своей соседки, которая славилась мастерством толкования сновидений. Рассказала ей все, что приснилось. И та объявила, что непременно надо ждать беды.

– Да иди ты, Варька, куда подальше!!! – не выдержав, наорала на нее Даша и в десятый раз оборвала бесполезный словесный поток своей невестки.

Даша в который раз подошла к зеркалу и внимательно себя оглядела.

Господи! На кого она похожа! Узник концлагеря выглядит лучше.

Кожа на щеках истончилась до синюшной прозрачности. Синие глаза, предмет всегдашнего Лешкиного восхищения, теперь только усугубляли положение, оттеняя громадные полукружья под нижними веками. Сколько Даша ни мучилась с подводкой, сколько ни накладывала пудры и румян, сколько ни подкрашивала губы, красивее не становилась. Тут еще бока после болезни исхудали до такой степени, что джинсы соскакивали. Пришлось заправлять в них толстый свитер, подпоясываться ремнем и сверху еще напяливать куртку, хотя на улице температура была много выше всех предусмотренных сезоном нормативов.

Перед тем как выйти из дома, Даша еще раз набрала Лешкин мобильный, потом их с Варькой домашний, следом рабочий брата и его начальницы. Удостоверилась, что ситуация нисколько не изменилась в плане внесения хоть какой-нибудь ясности, открыла входную дверь и…

И нос к носу столкнулась с Татьяной.

– Здорово, Дарья! – крякнула та, глянув тяжелым недобрым взглядом человека, страдающего глубоким похмельем.

– Привет.

Даша растерялась. Она, если честно, всегда терялась при общении с этой дамой. Та ее сражала наповал своей бесцеремонностью и умением навязывать ситуацию, выгодную ей и только ей.

– Я вхожу, – предупредила Татьяна и вошла, волоча в руке тяжелую, звенящую бутылками сумку. – Я вошла, и теперь тебе придется оставаться дома. Да и идти тебе вроде как некуда. Ты ведь ко мне на фирму собралась, так?

– Так. – Даша попятилась.

– Ну вот, видишь. Я, как всегда, оказываюсь права. – Татьяна распахнула тонкую, как блузка, кожаную курточку, выпростала красивую длинную шею из шелкового шарфа и тут же простонала: – Как болит башка, Дашка! Так болит, что спасти ее может либо гильотина, либо водка. А поскольку гильотины мне благодаря твоему братцу и так не избежать, будем пока пить водку в ожидании расправы. Ты давай, давай раздевайся, станем пить водку и за жисть говорить. А также думать, вспоминать и соображать, куда мог подеваться твой брат с миллионом российских рублей. Показывай, где в твоем курятнике кухня? Не располагаться же мне в твоей прихожей в самом деле!

На кухню ее Даша провела. И даже, невзирая на то, что у нее дрожали руки, коленки и все внутри колыхалось студнем от жуткого липкого страха, навеянного полупьяными словами Татьяны, она что-то резала, открывала какие-то банки, раскладывала все по тарелкам. Потом сидела напротив нее, тянулась к ней рюмкой с водкой, которую терпеть не могла, и даже выпивала вместе с нею. И все слушала и слушала про то, как она его любила, а он ее

поимел! Про то, как она ему всецело доверяла, а он ее кинул! Про то, как мечтала все с ним поделить поровну, а он поторопился!..

Через час, когда Татьяна практически в одиночку опорожнила почти полторы бутылки водки, Даша не выдержала.

– Я больше так не могу, Тань, – простонала она, отодвигая нетронутый стакан. – Ты можешь говорить связно или нет?! Я все, конечно, могу понять, обиды и все такое, но я так и не взяла в толк, откуда у Лешки эти деньги?! Каким образом они оказались у него в руках?!

– Не в руках, дурочка, в кейсе. В руках ни один умник миллион не унесет, даже если очень крупными купюрами. Они у него растопырятся вот так. – Татьяна расставила широко пальцы с облупившимся маникюром и потрясла ими в воздухе, будто что-то с них стряхивала. – Они будут слишком на виду, понятно? Он их уволок в кейсе. Симпатичном таком, кожаном, в котором мы с ним обычно коньяк хранили. Ну, возьмем там перед баней пару бутылочек и в кейс спрячем. Идем рука об руку с братцем твоим непутевым, со стороны и не поймешь, то ли на совещание плюхаем, то ли на пьянку. А теперь в этом самом кейсе… А, черт! Что повторяться?! Итак, все ясно, Леха меня кинул и сбежал.

– Он не мог! – пробормотала Даша и покосилась на пьяную гостью. – Слышишь меня, Таня?! Он не мог!!! Он ни за что не сбежал бы, не украл и не кинул никого! Он не такой! Он никогда и никого не предавал!

– А Варьку?

Пьяные глаза Татьяны вдруг сделались холодными и злыми. И не понять стало сейчас, в самом ли деле она все это время была пьяна или ваньку валяла перед Дашей в надежде, что та неосторожно выдаст себя чем-нибудь.

– А Варьку разве он со мной не предавал? – Татьяна ухватилась за стакан водки, выплеснула из него добрую половину в тарелку со щучьими консервами, остатки выпила и хихикнула со значением: – А еще кое с кем разве он не предавал ее? Пойми, детка, раз мужик может предавать в малом, то есть… Ну, ты поняла, короче. Значит, он способен предать и во всем остальном. Не верь никаким разговорам о физиологической зависимости. Не верь! Все дело в скотстве их души и не более! А Леха, он же… Он же ни одну юбку мимо не пропускал, ни одну! Со мной-то ему не хотелось, да! А что было делать, раз я его босс? Сказала: поехали в баню, он и поехал. Приказала раздеваться, он и разделся, так вот… А то он не такой, он другой! А вот взял этот другой и свалил с миллионом, не устояла продажная душонка против такого соблазна! А мне что теперь делать, а? Что прикажешь делать, Дашка?!

– Надо звонить в милицию, – решила та и, не обращая внимания на гневный протестующий возглас Татьяны, пошла в комнату за мобильным.

Когда вернулась, та сидела, с отсутствующим видом глядя в окно, и что-то тихонько напевала себе под нос. Красивые длинные волосы сбились на одну сторону, обнажив левое ухо с крупной золотой серьгой и полоску кожи с едва заметным шрамом.

А она ведь наверняка подтяжку делала, подумала Даша. И ей вдруг стало жаль и ускользающей молодости Татьяны, и призрачной удачливости ее, которую та изо всех сил старалась удержать, без конца обманывая и рискуя. Теперь вот снова ей не повезло. Интересно, где же все-таки Лешка?..

– Позвонила? – качнулась крепким статным телом Татьяна, оборачиваясь на нее.

– Нет. А что я им скажу? У меня денег не пропадало. У меня и пропадать-то нечему, если честно. – Даша пожала плечами и протянула телефон гостье. – Это тебе надо звонить, понимаешь. Звонить, заявлять о пропаже.

– О пропаже чего?

– О пропаже денег, человека. Вдруг с ним что-то случилось, Тань?! Ты вот заладила одно и то же: украл, кинул, сбежал… А с ним ведь могло произойти все, что угодно! – Теперь ей предстояло сказать то, что крутилось у нее в мыслях с самого утра, что всячески она гнала

от себя и что казалось самым ужасным. – Его ведь могли убить из-за этих денег! Обокрасть, а потом…

– Не могли! – прикрикнула на нее Татьяна, трижды поплевала себе через левое плечо, кривобоко перекрестилась и уставилась на Дашу, как на прокаженную. – Дура, что ли! Его не могли убить сразу по нескольким причинам! Первая – то, что никто не мог знать об этих деньгах!

«Я знала!» – хотела было возразить Даша, но промолчала. Она ведь не знала ничего конкретного о том, когда, где, кому будут они передаваться. Будут ли это наличные или банковский перевод. Хотя не факт, что Лешка не мог быть с кем-то более откровенным.

– Вторая причина, что никто не мог знать об этих деньгах! – повторилась Татьяна и сделала очередную неудавшуюся попытку перекреститься. Рука ее не слушалась, все время соскальзывая на колено. – Этот факт держался в глубокой тайне. Узнай кто об этом, у нас бы такое началось!

– Какое?

– Да нас бы разнесли за час! От нас бы камня на камне не осталось, узнай обманутые вкладчики, что мы кому-то возвращаем деньги!..

– А вы их все же обманывали? – не хотела, да ахнула Даша. – Бедные люди!

– Совсем они даже и не бедные, – возразила та.

Пошарила глазами по столу. Обнаружила с кислой гримасой, что водки в бутылке почти не осталось, и потянулась тут же к своей сумке, лежащей у нее в ногах.

– Какие же они бедные, если могут смело заплатить по триста, четыреста, пятьсот тысяч? На паперти такие средства не подают, знаешь. – Татьяна впилась крепкими зубами в этикетку на бутылочном горлышке, оторвала ее, открутила пробку и щедро плеснула в свой стакан. – Может, они слегка наивные, эти люди, я не знаю, но не бедные, это точно! Так вот, милая, возврат денег одному из обиженных клиентов, который, черти бы его побрали, оказался чрезвычайно влиятельным, держался в строжайшей тайне. Никто, кроме меня, Лешки и нашего бухгалтера, об этом не знал. Даже мой благоверный, хотя он у меня лицо посвященное! Вот скажи, как могли обокрасть Лешку, а потом, упаси господи, убить его, если никто об этом не знал!

– Знает один – не знает никто, знают двое – знает свинья, – вспомнила Даша изречение, смысл которого стал ей понятен только теперь.

– Ага! Понятно! Понятно, на кого ты намекаешь, мерзавка. – Татьяна зашлась мелким противным смешком. Но тут же оборвала его и глянула ей в переносицу тем самым взглядом анаконды, которого так боялась и ненавидела Даша. – Только мне пропажа этих денег – смерти подобна! Я заняла их под проценты, понимаешь, что это такое?! Что возврат их неизбежен, а счетчик начнет тикать уже вчера! Про бухгалтера и говорить нечего, он со мной со дня основания нашего «Голиафа». Он повязан так, что… Короче, одному Лешке и выгодно, выходит.

– Почему только ему?

Даша снова ничего почти не понимала и, разумеется, отказывалась верить, что ее брат способен сбежать с миллионом рублей непонятно куда. Не такие уж великие деньги по теперешним временам. И если сбежал, то на кого он оставил своих сыновей, а ее?..

– Потому что я не позволяла ему встречаться с его лахудрой!

– Кто такая?

Час от часу не легче! Ни о какой лахудре Даша слыхом не слыхивала и даже не подозревала никогда. Вот насчет связи с Татьяной, здесь нет-нет да и закрадутся подозрения, но чтобы кто-то еще…

И вот тут-то ей стало не по себе. Да так не по себе, что внутри, перестав дрожать, моментально все окаменело. Неожиданно вспомнился Лешкин визит, на пару с Королевым. О каком таком успехе говорил тогда ее брат? Что имел он в виду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.